

Дра
Дым
Исемек

М. С. Белухарт

Максим Больнов

Эра тьмы: Исток

<https://litres.ru/74441973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Габриэль всю жизнь знал, кто его враги. Он охотник, а значит, его долг прост: защищать людей от чудовищ и нести Свет туда, где царит Тьма.

Но чем дальше он уходит от Дисцилюса, тем чаще сталкивается с вещами, которым не находилось места в его прежней картине мира. Чудовища умеют сострадать. Люди способны творить зло, прикрываясь именем Света.

Путешествие, начавшееся как обычная охота, постепенно превращается в поиски истины, скрытой под руинами прошлого. И Габриэлю предстоит решить не только, с кем сражаться, но и кому верить.

Максим Больнов

Эра тьмы: Исток

Когда пал камень с небес

Сначала не было ничего — лишь пустота. Затем возникла чёрная, безмолвная вселенная, где бессмысленно скитались мёртвые тела, сталкиваясь друг с другом в беспорядочном хаосе. Пока однажды не грянул взрыв невообразимой силы. Так появились звёзды, планеты... а вместе с ними — жизнь.

Когда мир ещё не обрёл формы, когда разум был лишь тенью грядущего, — по земле бродили только хищники и жертвы. И тогда с небес пал Камень. Камень, что изменил ход жизни. Камень, что стал первым прикосновением богов. С этого момента мир начал меняться.

Мир наполнился чудесами и ужасами. Разум стал проклятием и благословением. Боги, что пришли с пустоты, обвили землю незримыми цепями. Но не они были злом.

— «Божий промысел или Мира описание».

Апорифель Магард, II Век, 16 год описания.

Глава I

Всё, что я помню

Ригтальд, XII Век, 31 год

Сильный дождь. Ночь. Плач ребёнка.

— Они догоняют! — звенящий мужской голос разорвал

тЬму.

— Мы успеем... успеем! — хрипло крикнул всадник впереди.

Стук копыт не стихал ни на миг. Казалось, лошади мчались не по земле, а по бездне, где каждая капля дождя была холодным гвоздём, вбиваемым в тело. Одежда промокла до нитки, будто путники скакали по дну моря.

И вдруг впереди вспыхнул свет. Тёплый, сияющий, словно луч солнца прорвал ночную бурю и упал прямо на землю.

— Отстали... — сдавленно прошептала женщина, прижимая младенца к груди. Её голос дрожал от усталости, но в нём всё ещё звучала хрупкая нежность.

Свет угас так же стремительно, как явился, оставив лишь дрожащие отблески в темноте. Всадники спешили и вбежали в каменное строение, прячась от дождя и того, что в нём прячется.

— Вы опоздали, — проворчал старик, держащий в руках посох, на конце которого угасал малый шар света. Его голос был глубоким, ворчливым, но не лишённым спокойствия. — Должны были прибыть ещё вчера.

— Мы... мы не могли быстрее, — прошептала она, едва держась на ногах.

— Проклятый пёс! — рявкнул один из спутников, рыжебородый воин, сжимая кулаки. — Если бы не его предательство, мы были бы здесь два дня назад!

Старик махнул рукой, приглашая мужчин и женщину вой-

ти. Каменные стены храма встретили их холодом и гулкой тишиной. Воздух был пропитан запахом старого воска и каменной сырости; в глубине зала мерцали свечи, вытягивая из тьмы длинные тени. У дальней стены стоял алтарь — простой, без украшений, какие бывают в дорожных храмах: лик Аэрона над ним был стёрт до неразличимости, но семь подсвечников перед ним кто-то заправил совсем недавно. Рядом, чуть в стороне, примостился второй, меньший — с закрытыми каменными глазами. Перед ним не было свечей. Только монета.

Всадники тяжело вошли внутрь, их шаги отдавались эхом. С промокших плащей струилась вода, стекая на каменные плиты и образуя лужицы. Рыжебородый воин с глухим ворчанием сдёрнул с плеча мокрый плащ и отшвырнул его к стене.

— Вейра б её прибрала, эту погоду, — пробурчал он, выжимая рукава. — Если б не этот сучий потрох Миколаш, не пришлось бы мчаться как проклятые.

Мужчина в капюшоне и металлической маске опустил руки над пламенем. Его поза выдавала усталость, но голос оставался спокойным:

— Важнее, что мы добрались, Родерик.

Женщина осторожно уселась на каменную скамью и раскачивалась, убаюкивая сына. Дитя всхлипывало, не понимая, где кончился дождь и где началась эта холодная тишина.

Так и прошла ночь. За стенами бушевала буря, а внутри

храма слышалось лишь усталое дыхание и треск огня.

На рассвете, когда первые лучи пробились сквозь узкие окна, старик медленно зашёл в зал к отдыхающим. Он шёл неторопливо, будто каждое его движение было решением, от которого не уйти.

— Пришло время, — тихо сказал он. — Так будет лучше для всех.

— Нет... — Женщина покачала головой, её губы задрожали. — Нет, я не могу... это мой сын...

Старик шагнул ближе, протянул руки, и его голос стал холоднее:

— Если он останется с тобой, Лисса, его найдут. А здесь у него будет шанс.

Слёзы блеснули в глазах матери. Женщина держала ребёнка, не в силах разжать рук. Его плач звучал глухо под сводами, словно сам храм внимал каждой его ноте.

— Здесь его никто не найдёт, — снова произнёс старик. Теперь его голос стал твёрже, и был лишён жалости. — Но ты должна отпустить.

Она опустилась на колени прямо на каменные плиты и качала ребёнка, убаюкивая дрожащим голосом:

— Спи... мой свет... мой маленький... прости, что я не смогу быть рядом... прости, что не увижу, как ты растёшь...

Младенец тянул ручонку к лицу матери, но она отвернулась, не желая показать слёзы. Тогда второй спутник, в капюшоне и маске, тихо произнёс, глухим и приглушённым го-

лосом:

— Госпожа... пора. Он в безопасности. Дальнейшая его судьба уже не в ваших руках.

Слёзы падали на лицо ребёнка. Женщина задержала дыхание, прижала губы к лбу ребёнка. Долго, так, словно пыталась запомнить вкус этой минуты на всю жизнь.

— Ты не будешь помнить меня... — прошептала она сквозь всхлипы. — Но знай... я люблю тебя больше жизни.

Медные волосы, падающие на глаза, прятали материнские слёзы. Её пальцы дрожали, когда она наконец переложила младенца в руки старика. Из тёмных морщинистых ладоней старика, ребёнок поднял взгляд — и увидел сквозь слёзы и свечное мерцание размытое лицо матери. Последний раз. Её черты расплывались, терялись в слезах и пламени свечей. Лицо матери исчезло в темноте зала, как сон, ускользающий на рассвете.

Женщина вскинула капюшон, отвернулась и, не оглядываясь, очень тихо прошептала:

— Он — всё, что у меня есть, Ранвальд... Обучи его, защити. Прощай...

Сделав несколько шагов, эхом раздавшихся под сводами храма, женщина растворилась в свете дверного проёма. Спутники госпожи поблагодарили старика и вышли вслед. Двери храма закрылись за ними тяжёлым гулом.

Внутри остался только плач ребёнка, укутанного в одеяло, перевязанное синим шарфом, и взгляд старика — суровый,

холодный, но в глубине глаз его дрогнула тень сострадания.

— Имя тебе — Габриэль, — негромко сказал старик, глядя на ребенка.

Трудное детство

Дисцилюс, XII Век, 42 год.

Мир Габриэля начинался с городка, в котором не было места праздности. Дисцилюс — монашеский город, окружённый серыми стенами и высокими башнями, — существовал не ради торговли и веселья. Его улицы были тихи, площади пустынные, а звон колоколов звучал чаще смеха. Дисцилюс был оплотом церкви и кузницей воинов. Здесь воспитывали тех, кому суждено встретиться с чудовищами лицом к лицу. На его площади не устраивали ярмарок, зато каждый камень был пропитан молитвой и кровью. В этом месте редко появлялись люди из внешнего мира. Время от времени приезжали повозки с новыми детьми, иногда заезжали потерявшиеся торговцы или заходили путешественники. Люди называли его «городом охотников», хотя сами жители — монахи — предпочитали иное название: «дом Света». Именно здесь, за холодными стенами, рос и вырослел мальчик по имени Габриэль.

Среди скудных пожитков, которые выделили ему монахи, была лишь одна вещь, не имеющая отношения к боевой подготовке — старый синий, давно выцветший шарф. Мальчик не помнил, откуда он взялся. Ночами, когда холод пробирался под грубое одеяло, он нащупывал шарф, зарывал в него

лицо и вдыхал давно выветрившийся, но всё ещё кажущийся родным запахом.

Каждое утро начиналось одинаково — с холодного звона колокола. Тонкий металлический звук пробирался под кожу, вырывая из сна. Ещё до того, как рассвет окрасит небо, мальчики и девочки поднимались с жёстких постелей, натягивали грубые холщовые рубахи и выходили во двор. Там их уже ждали наставники.

— Поднимайтесь, дети света, — повторяли они сурово, и в этих словах слышался приказ, а не забота.

Утренняя муштра всегда начиналась с бега. Каменный двор монастыря был покрыт росой, и босые ноги учеников скользили по плитам. Но никто не смел замедляться. Одно падение — и наставник поднимал виновного хлёстким ударом палки. За бегом следовали упражнения: отжимания, прыжки, удары кулаками в воздух. Мышцы горели, дыхание сбивалось, но наставники требовали одного — ритма.

— Ваше тело должно подчиняться мысли. А мысль — воле, — обходя строй, бубнил брат Лазарь, старший наставник.

Только после этого учеников пускали в храм. Они вставали на колени перед тремя иконами в глубине зала. Центральная — Аэрон, солнечный диск с семью лучами над строгим ликом без улыбки. Левее — Таррен, воин в глухом доспехе с опущенным мечом. Правее, почти в тени — Лорна с закрытыми глазами, перед которой никогда не горели свечи, только лежала монета, которую меняли раз в неделю. Дети скла-

дывали руки и тянулись мыслями к свету, как учили.

— Молитва — не звук. Она — оружие, — повторяли наставники. — Аэрон слышит мысль, а не слова. Таррен чувствует намерение, а не жест. И не зовите Лорну по имени вслух, пока не пришло время.

После молитвы наступал час учёбы. В библиотеке воздух был сухим и пыльным. Каждый шаг отзывался гулким эхом. Длинные ряды книг содержали не только священные тексты, но и хроники о чудовищах: призраках, вампирах, демонах и других тварях, коих можно было встретить в мире.

После изучения хроник о чудовищах ученикам открывались азы магии. Простые чары света и заклинания защиты становились частью ежедневного обучения. Брат Лазарь показывал, как направить внутреннюю энергию в руку, чтобы зажечь свечу, отразить слабое заклинание или на короткое время развеять тьму.

— Магия — это продолжение твоего клинка, — объяснял он. — Твоя рука бьёт мечом, но свет, что ты несёшь, может остановить того, кого клинок не достанет.

— Знание — это оружие, — повторяли наставники. — Вы должны знать врага, прежде чем вонзить в него клинок.

После теории дети выходили во внутренний двор. Там их ждали деревянные мечи, щиты, а для старших — стальные клинки. Мальчики и девочки вставали в пары, и звон дерева гулко отдавался эхом от каменных стен. Удары были тяжё-

лыми, синяки — частыми. Но наставники не знали жалости. — Ты не имеешь права упасть, — говорил брат Симеон. — Если падёшь здесь, поднимешься. Если падёшь там, в бою, тебя уже не поднимут.

Габриэль старался. Он был не самым сильным среди учеников, но быстрым. Его удары были точными, хотя порой не хватало силы. Наставники отмечали это, и потому уделяли ему больше времени: учили уклоняться, искать слабые места, ждать удара противника, чтобы ответить.

Когда день близился к закату, ученики снова собирались в храме. Там они слушали рассказы старых монахов о прошлом.

Так проходили годы. Из слабого мальчика Габриэль постепенно превращался в юношу, чьё сердце закалялось вместе с телом. Он не знал другой жизни, кроме дисциплины, молитвы и клинка. Но глубоко внутри, среди холодных стен Дисцилюса, уже рождался вопрос: достаточно ли света в нём, чтобы устоять перед Тьмой, когда та придёт за ним?

Крещение мечом

Дисцилюс, XII Век, 46 год.

Постепенно книги и молитвы перешли на второй план, а большую часть времени учеников занимала физическая подготовка. Там, где другие дети бегали по лугам, ученики Дисцилюса проходили испытания, закалявшие тело и душу. Каждый юный охотник обязан был пройти через них, иначе его считали слабым — а слабым в их мире не было места.

Испытания силы начинались ещё на заре. На внутреннем дворе, где стены отбрасывали длинные тени, наставники выставляли тяжёлые каменные блоки, мешки с песком и огромные бревна.

— Свет не нужен слабым, — говорил брат Симеон, глядя на учеников. — Свету нужны опоры. Будьте опорой.

Мальчики и девочки должны были носить камни по кругу, складывать их друг на друга, пока руки не дрожали. Затем следовал бег с мешками на плечах, где каждый шаг отдавался болью в мышцах. Иногда ученики падали — и их поднимали ударами плети.

Габриэль не был самым сильным, но он, стиснув зубы, шел до конца. Наставники видели это и не останавливали его — терпение ценилось не меньше силы.

— Сила — это не мускулы, — повторяли они. — Сила — это умение подняться, когда тело требует упасть.

Днём, когда каменные стены прогревались солнцем, наступала очередь ловкости. На плацу устанавливали деревянные колья, натягивали верёвки, ставили препятствия. Ученики должны были перепрыгивать через них, скользить под ними, взбираться вверх и прыгать вниз.

Но самое трудное испытание было с мечом. На площадке расставляли деревянные манекены с подвешенными к ним колокольчиками. Нужно было пройти сквозь строй манекенов, ударяя ровно и точно, так, чтобы звенели колокола, но не сбивался ритм. Ошибся — начинал сначала. Здесь юно-

ша чувствовал себя увереннее. Его движения были лёгкими, он умел вовремя пригнуться, отскочить, проскользнуть мимо удара. Иногда он падал, но поднимался быстрее других. Его дыхание сбивалось, но в глазах горела решимость.

После тренировок с деревянными манекенами приходило время тренироваться с живыми. Среди учеников была девочка по имени Элиана. Они с Габриэлем были дружны и нередко их ставили в пару для тренировок. Она была немногим ниже ростом, но сильнее его.

— Опять мы вдвоём, — сказала она, улыбалась и поднимая оружие.

— Значит, будет трудно, — отвечал Габриэль, занимая стойку.

— Прости за тот шрам, в этот раз не буду целиться тебе в горло.

— Да не, царапина на шее придаёт моему виду мужественности.

Их дуэли всегда собирали взгляды других учеников. Элиана была мощно и напористо, будто буря, а мальчишка уклонялся, отвечал быстрыми выпадами, стараясь найти уязвимость. Иногда он выигрывал, иногда падал под её ударами.

Деревянные мечи сошлись с глухим треском. Первый выпад Элианы был прямым и сильным — она била, не щадя ни себя, ни противника. Габриэль едва успел выставить щиток из дерева, и удар отозвался болью в запястье. Он скользнул вбок, стараясь увести бой из прямой линии. Воительни-

ца шагнула за ним, не давая пространства для передышки. Её атаки сыпались градом — короткие, рубящие, будто молот, упрямо бьющий по наковальне. Иногда были колющие удары, но он без труда от них уходил.

Габриэль сбивал дыхание, но не сдавался. Он ждал ошибки. Когда её клинок слишком резко разрубил воздух, оставив открытый бок, он рванул вперёд, размахнувшись снизу вверх. Деревянное лезвие скользнуло по её руке, и колокольчик на краю площадки звякнул, отмечая попадание.

— Быстро, — сказала Элиана, снимая щит с руки и перехватывая меч двумя руками. — Но этого мало.

Она пошла в атаку снова, на этот раз осторожнее. Её движения стали медленнее, но каждая дуга меча тянула воздух, вынуждая Габриэля уклоняться, а не отвечать. Он прыгнул в сторону, перекатился и попытался нанести ответный удар, но её клинок перехватил его на лету.

В ярости Элиана потеснила противника к краю площадки. Там начиналась полоса препятствий: ряды деревянных столбов разной высоты, связанные верёвками. Не имея иного выхода, загнанный в угол юноша отскочил назад, запрыгнув на первый столб. Он пошатнулся, но удержал равновесие. Охотница не замедлила шаг — вскочила следом. Их мечи снова скрестились, теперь уже на узких деревянных опорах. Балансировать было труднее, чем отражать удары. Каждый шаг грозил падением, и это делало бой ещё сложнее.

Габриэль двигался быстрее: он перепрыгивал с одного

столба на другой, заставляя девочку поворачиваться, терять удобство для удара. Но Элиана брала упорством — её выпад были короче, но точнее.

Именно в этот момент его взгляд скользнул за пределы площадки. Рядом с братом Симеоном, судившим бой, стоял незнакомец. Высокий, в тёмном, рваном узорчатом плаще, непривычном для Дисцилюса. Его лицо было скрыто под капюшоном, но Габриэлю почудилось, что незнакомец смотрит прямо на него.

Мысль «Кто это?» пронзила сознание Габриэля с такой силой, что он на мгновение забыл, где находится. Нога соскользнула с мокрого дерева, тело резко перекосилось, и он почувствовал, как падает в пустоту между столбами. В ушах зазвучал общий вздох зрителей. Но годы муштры сработали — тело, опережая разум, резко оттолкнулось от столба, и он, совершив почти акробатический кульбит, приземлился на соседнюю опору, едва не задев Элиану. Сердце бешено колотилось, в висках стучало. Он снова встретился взглядом с незнакомцем. Тот не шелохнулся.

Зрители были ошарашены. Девочка же, восстанавливая равновесие после удара, пошла на него с прямым выпадом, и их деревянные клинки снова скрестились над шатким деревянным полем.

— Хорошо! — раздался голос брата Симеона.

Элиана стиснула зубы, подняла меч и ответила выпадом такой мощи, что Габриэль едва успел пригнуться. Потеряв

равновесие после слишком широкого выпада, девочка качнулась в сторону. Клинок просвистел над головой и ударил по воздуху. И бой продолжился, то превращаясь в шквал ударов, то в игру ожидания, где решала не сила, а терпение. И вдруг — мощный удар сверху. Габриэль успел поднять клинок, но сила удара прижала его руки к груди. Скрещённые деревянные клинки ударили его по плечу, и он пошатнулся, едва удержавшись на ногах. Второй звон колокола ознаменовал ничью.

В следующее мгновение оба одновременно нанесли сильные удары и, потеряв равновесие, покачнулись на краю столбов. Сердца учащённо забились — один неверный шаг, и падение было бы неизбежным. Время замерло. Габриэль успел схватить её за руку, Элиана — в ответ за его плечо, по которому только что пришёлся удар. Вместе они сумели выровнять баланс и удержаться, опираясь друг на друга. Сердца колотились, но глаза встретились, и в этом напряжении мелькнула улыбка — доверие, родившееся в бою.

Симеон тихо произнёс:

— Вот что значит равновесие силы и ловкости. Не бойтесь падения, бойтесь потерять того, кто идёт рядом.

Элиана с лёгкой насмешкой опустила меч. Габриэль сделал то же самое. Они спрыгнули на землю, ноги дрожали от напряжения, но оба знали: этот бой показал не только мастерство, но и то, что вместе они сильнее, чем поодиночке.

— Ты слишком полагаешься на скорость, забывая о каче-

стве удара, — сказала девочка, поправляя светлые волосы, закрывающие голубые глаза.

— Зато ты мне чуть руку не сломала своим ударом, — отшутился юный охотник.

А незнакомец в капюшоне тем временем тихо отошёл в тень, так и не показав своего лица. Но чувство его пристального взгляда ещё долго не отпускало Габриэля.

Вечерами, когда всё было позади, Габриэль тайком от старших учеников и лениво патрулирующей территории стражи сидел на каменной стене. Рядом нередко оказывалась Элиана. Они молчали. Им не нужны были слова — оба знали, что завтра будет новый день, новые испытания. И они снова выйдут на площадку. Бок о бок.

Глава II

Мир, открытый пред тобой

Дисципюс, XII Век, 51 год.

Годы сложились в пять лет. Из тщедушного юнца Габриэль превратился в крепкого двадцатилетнего парня с упрямым подбородком и спокойным, внимательным взглядом. Его движения, некогда быстрые и резкие, обрели точную, выверенную плавность. Жизнь по звону колокола, между молитвой, клинком и магией, отшлифовала его.

То утро ничем не предвещало ничего необычного. Габриэль сидел на кровати и рассматривал в руках кулон в виде звезды. Их давали всем, кто закончил основное обучение и считался воином света. Внезапный звон главного колоко-

ла заставил всех выйти на улицу. Старшие ученики, человек двадцать, построились в ряды перед главными воротами. В воздухе висело недоумение. Рядом с братом Симеоном, неподвижным, как одна из каменных глыб двора, стояла знакомая Габриэлю фигура в тёмном плаще. Тот самый незнакомец, чей взгляд когда-то едва не стоил ему падения.

Наступила тишина, нарушаемая лишь ветром, гулявшим по площади. Мужчина медленно, с театральной паузой, откинул капюшон. Лысая голова была испещрена шрамами, старыми и новыми. Но самым жутким был шрам, рассекавший левую часть лица — грубая розовая полоса, тянувшаяся от скулы через пустую глазницу и до самого лба. Его единственный глаз, холодный и пронзительный, как стальное лезвие, медленно обвёл строй, будто взвешивая каждого.

— Меня зовут Горм, — его голос был низким. — И я здесь не для того, чтобы читать вам молитвы. Мне нужны руки, которые умеют держать меч, а не только хер и книжки. Если, помимо махания мечом, у вас получается шевелить руками и творить ваши чары-мары, то будете ценным союзником.

Он сделал паузу, давая словам улечься.

— Купеческий караван из Соль-Марина следует в столицу с грузом, что важен для некоторых могущественных персон. Стража и наёмники в ближайших окрестностях не справятся, потому как они попросту обосрут, если увидит кого-то опаснее пьяницы с кочергой. Мне нужны те, кто умеет не просто драться, а убивать тварей. Это не учение. Это работа.

Опасная. Плачу серебром, а не благодарностями.

Среди учеников пронёсся возбуждённый шёпот. Серебро! Выход за стены! Настоящее дело!

Первым шагнул вперёд Боргар, сын кузнеца. Неуёмный и широкоплечий парень, чья сила часто опережала мысль. Он всегда рвался в первую брешь в желании доказать свою мощь. Однажды Габриэлю пришлось драться с ним вне тренировки. После потасовки с этим быком рёбра болели недели две, а синяк под глазом чувствовал самолюбие силача.

— Я готов! — выкрикнул он, ударив себя кулаком в грудь.

Вслед за ним, молча и с надменным видом, вышел едкий на язык Рован. Он точил клинки с тем же изяществом, с каким отпускал колкости, и верил, что его ум острее любого меча.

— Кто, если не мы? — усмехнулся он, бросая взгляд на остальных.

Затем, колеблясь лишь мгновение, шагнула Элиана. Она просто кивнула Горму.

Габриэль увидел очень знакомый силуэт и мысленно выругался. Они всегда были рядом. На площадке, в библиотеке, на стене, освещаемой уходящим солнцем. Если она шла на риск, его место было рядом. Пусть даже сердце сжималось от дурного предчувствия при виде этого Горма. Неохотно, почти против своей воли, Габриэль сделал шаг вперёд.

— И я, — произнёс он тихо, но чётко.

Лысый окинул его своим единственным глазом, и на его

губе дрогнуло подобие ухмылки:

— Четверо добровольцев. Хуже, чем я надеялся, но лучше, чем свинопасы из соседней деревни. — он повернулся к Симеону. — Монастырь не будет иметь возражений?

Брат Симеон, хранивший до этого молчание, тяжело вздохнул. Его взгляд скользнул по всем добровольцам, и в нём мелькнуло нечто, похожее на старую боль.

— Дом Света даёт вам своё молчаливое согласие, Горм. Но помни... — он сделал шаг вперёд, а голос стал тише, — ...это не наёмники. Это наши ученики. Всё ещё зеленые, не видевшие настоящей опасности ученики. И если хоть один не вернётся, следующей тварью, с которой ты встретишься лицом к лицу, буду я.

Рекрутер на мгновение смягчился и почтительно склонил голову.

— Я понял.

Он снова повернулся к четверым.

— Собирайтесь. Только необходимый минимум снаряжения и провиант на три дня. Караван ждёт у развилки к полудню. Опоздаете — уйдёт без вас.

Четверо новоиспечённых добровольцев направились к казармам. Едва они отошли на достаточное расстояние, Габриэль схватил Элиану за локоть, заставив её замедлить шаг.

— Элиана, ты в своём уме? — прошипел он, чтобы не слышали Боргар и Рован. — Ты видела этого типа? Он пахнет смертью и предательством за версту.

Элиана вырвала руку, её глаза загорелись надеждой.

— Это наш шанс, Габриэль! Шанс вырваться из этих стен!

— Она оглянулась на серые башни Дисциплиуса. — Мы двадцать лет дышим пылью библиотек и плесенью храма, молимся Аэруну и Таррену перед каждой тренировкой. Мы читаем о мире, в котором никогда не были. Это наш выход, понимаешь?

— Мы можем выйти за ворота и без того, чтобы наниматься к проходимцу! — не сдавался Габриэль.

— И что? Пойти собирать травы для брата-травника? Или сопровождать водоносцев до родника? — Она презрительно фыркнула. — Это настоящее дело, Габ! С серебром. Настоящим. С этими деньгами можно начать жизнь, купить новые доспехи, а не вот это, — она дёрнула его за поношенный рукав холщовой куртки.

— Начать жизнь? — Габриэль смотрел на неё с непониманием. — А что не так с нашей жизнью здесь?

— Всё так! — её голос дрогнул, выдавая накопленное годами разочарование. — Всё так, Габриэль. Каждый день один и тот же. Звонок, бег, молитва, клинок. Я хочу увидеть, что там, за стеной. Хочу почувствовать, что моя сила нужна не только для того, чтобы бить деревянных манекенов. И если для этого нужно рискнуть — я рискну.

Она посмотрела на него, и её взгляд смягчился, в нём появилась знакомая ему упрямая нежность.

— И я знала, что ты пойдёшь. Потому что ты не позво-

лишь мне идти одной.

Габриэль молча смотрел на неё. На её расправленные плечи, на решимость в глазах. Он видел не просто подругу детства, а человека, который перерос свою клетку и рвался на волю. И он понял, что спорить бесполезно. Да и не хотел. Ведь она была права — он никогда не позволил бы ей уйти одной.

— Ладно, — нехотя сдался он.

Уголок губ Элианы дрогнул в улыбке.

— Я на тебя рассчитываю.

Они догнали Боргара и Рована, уже всю споривших о том, сколько именно серебра им должны заплатить. Габриэль смотрел на них, потом на удаляющиеся стены монастыря, и снова почувствовал на себе тот самый, колкий взгляд одного глаза. Они делали шаг из своего выстроенного мира в другой — непредсказуемый и полный теней. Но теперь, глядя на решительный профиль Элианы, он понимал — назад дороги нет.

Путь на большак

Окрестности Дисцилюса, XII Век, 51 год.

Солнце уже успело подняться над зубчатыми стенами Дисцилюса, когда четверо добровольцев и Горм достигли развилки. Встреча с караваном была назначена в соседней деревушке Тид, что лежала в добрых трех часах ходьбы по пыльной проселочной дороге.

Горм восседал на крупном гнедом коне, чья выхоленная

шерсть резко контрастировала с потрёпанным плащом всадника. Их связь ощущалась сразу — они были похожи: оба молчаливые, терпеливые и привыкшие к долгой дороге.

Впервые за долгие годы Габриэль ступал по земле, которая не принадлежала монастырю. Воздух здесь был другим — не пропитанным холодом камня и ладана, а пахнущим полынью, нагретой хвоей и далеким дымом очагов. Поля, подступавшие к самой дороге, колосились незнакомыми злаками, а вдали стояли леса, хранящие в своей чаще тысячи тайн.

Боргар шел впереди, его мощная спина, облаченная в простую кольчугу, казалось, принимала на себя все солнечные лучи. Он без усталости расспрашивал Горма о возможных стычках в пути, явно надеясь на скорейшую драку. Рован, напротив, двигался легко и молча, его внимательные глаза скользили по обочинам, отмечая каждую трещину на камнях, каждую птицу в небе, будто составляя внутреннюю карту местности.

Элиана шла рядом с Габриэлем, и на ее лице играла сдержанная, но счастливая улыбка.

— Смотри, — тихо сказала она, кивая на бескрайнее море зелени. — Всё это настоящее. Цветы ведь совсем не такие, как на картинках в библиотеке. Они... Яркие. Живые.

— И больше того, — добавил Габриэль, с непривычкой ощущая под ногами не ровные плиты, а утопанную землю. — Кажется, теперь можно идти в любую сторону, и конца края не будет.

Горм неожиданно сбавил шаг, поравнявшись с Габриэлем и Элианой.

— Довольны, птенцы? Выпорхнули из гнезда, — его хриплый голос прозвучал скорее как констатация факта, чем вопрос.

Габриэль нахмурился.

— Мы не птенцы. Мы охотники.

Горм грубо рассмеялся.

— Книги, — одноглазый бросил на него уничижительный взгляд. — Книги и куклы не кусаются. Не смотрят тебе в глаза, когда ты вонзаешь в них сталь. Не чувят твоего страха. Ваш Дисциплиус... он как кузница, где мечи закаляют, но никогда не испытывают. Вы думаете, ваше предназначение — нести свет?

— А разве нет? — в голосе Габриэля зазвучали обертоны заученных мантр. — Мы — щит для слабых, меч против Тьмы.

На этот раз заржал конь, но и всадник не смог отказать себе в удовольствии сделать то же самое. Его смех был коротким, сухим и обжигающе циничным.

— Мы охотники на тварей, а не наёмники для грязной работы, — твёрдо сказал Габриэль, хотя в голосе слышалась неуверенность.

— Охотники на тварей... Мило. А знаешь, какая самая опасная тварь на свете? — Он ткнул себя пальцем в грудь. — Человек. Знаешь, что я видел? Я видел, как «тварь» в об-

личье сборщика налогов забирала последнюю корову у вдовы, обрекая её детей на голод. Я видел, как «тварь» в латах рыцаря вырезала целое селение за неповиновение местному князьку. Ваши монахи учат вас бить монстров... Но самая настоящая тьма, та, что пожирает жизни пачками, ходит на двух ногах и прикрывается гербами и титулами. Думай об этом, мальчик-монах, пока мы тащимся по этому тракту.

— Ваше предназначение — убивать. И выживать. Всё остальное — сказки для тех, кто остаётся у тёплого очага. Свет? Тьма? — Он махнул рукой, указывая вперед. — Здесь есть только дорога, сталь и те, кто сильнее. Ваш монастырь готовит идеальных солдат для войны, которой нет. Ваши монахи учат вас бить монстров. Таррен направляет руку, Аэрон освещает путь. Красиво звучит. — Он сплюнул на обочину. — Только Таррен не различает, куда ты направляешь руку. Это твоя работа, не его.

Боргар, шедший чуть впереди, обернулся. Он слушал. Габриэль это заметил — тот не перебивал Горма, не бурчал, просто шёл и слушал, сжав рукоять меча.

— Мой отец говорил похуже, — сказал он наконец, ни к кому особо не обращаясь. — Что монастырь делает из нас оружие, а оружие не думает, кто его держит.

— И ты не согласился? — спросил Габриэль.

Боргар пожал плечами — широко, всем корпусом.

— Я ушёл. Значит, согласился. — Он помолчал. — Он хотел, чтобы я стал кузнецом. Как он. Говорил: «Кузнец кор-

мит семью, а героем разве что потом цветы удобрить можно». Наверное, он был прав. Но я никогда не умел делать ничего тихого.

— Кузнец тоже работает с огнём. — добавил Рован.

— И что? — Боргар покосился на него.

— Ничего. Просто интересная семья.

Больше он ничего не сказал. Габриэль подумал, что так Рован говорит комплименты — когда не хочет, чтобы это было заметно.

У последней версты

Тид, XII Век, 51 год.

Деревня Тид оказалась скоплением двух десятков домов, вытянувшихся вдоль большого тракта. Чем ближе была деревня, тем ярче были присущие таким поселениям запахи — дым, дерьмо и кислое молоко. Трактир «У Последней Версты» был самым большим зданием на улице, сквозь запыленные стекла окон пробивался теплый свет и доносились приглушенные голоса.

Внутри пахло пивом, луком и жареным мясом с чесноком. У дальней стены, за массивным столом, путников уже ждали. Двое. Один — мужчина в помятой кирасе, с усталым, обветренным лицом и потертым шлемом с облезлым фазаньим пером, лежащим перед ним на столе. Рыцарь, или то, что от него осталось, протянул руку подошедшему лысому наёмнику.

— Сэр Харс де Паркат, не думал, что вновь увижу вас,

после заварушки в столице.

— Сэр Горм де Рувре, наделали же вы шумихи тогда. Рад вас видеть.

— Давно меня так не звали... Сейчас я просто Горм, скромный наёмник и пройдоха.

Рядом сидел полный человек в дорогом, расшитом узорами кафтане, с блестящими от жира пальцами и внимательными, словно оценивающими все вокруг глазами — типичный преуспевающий торгаш.

— Приветствую и вас, Одо. — Горм кивнул в знак приветствия. — Я отойду на минуту, и мы обсудим наше дело.

Помимо их компании, в трактире было еще несколько посетителей. У стойки, откровенно скучая, сидела пара крестьян в запыленных холщовых рубахах, они шумно обсуждали цены на зерно и пили темное пиво большими глотками. В углу примостилась одинокая девушка в темном, но явно дорогом и искусно расшитом плаще, накинутом поверх практичной дорожной одежды. Лицо было невозможно разглядеть из-за капюшона. К ее поясу был подвешен изящный меч в простых, но ухоженных ножнах. Она не проявляла к ним ни малейшего интереса, сосредоточенно доедая свою порцию.

Горм, не снимая плаща, кивком указал спутникам занять места. Затем он подошёл к трактирщику, которого звали Бруно, и заказал для всех похлёбку с картошкой, луком и каким-никаким мясом.

— Ешьте, — коротко бросил он, возвращаясь за стол к заказчикам. — Пока есть возможность.

Боргар зачерпнул похлёбку, понюхал и поморщился.

— В Дисцилюсе хоть посолить не забывали.

— В Дисцилюсе тебя ещё и за ухом чесали на ночь, — сказал Рован, не отрываясь от миски.

— Зато сыт был. — Боргар всё же поел. — Интересно, что там в повозках.

— Что-то, за что платят, — ответил Рован.

— Это я и без тебя понял.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Боргар посмотрел на него с привычным раздражением — тем самым, которое бывает между людьми, проводшими вместе слишком много лет, чтобы злиться всерьёз.

— Э-эх, мальчики. — Элиана зевнула, потянулась. — Вот закончим дело, разбогатеет, тогда и не будет у вас вопросов.

Трактирщик — грузный, краснолицый, с вечно мокрым от пива передником — подошёл к их столу, вытирая руки о тряпку. Он окинул компанию оценивающим взглядом, задержался на мечах и потрёпанных плащах, потом хмыкнул.

— Вы, никак, из наёмников будете?

— Из Дисцилюса, — ответил Боргар, не поднимая головы от миски.

— Ага, — трактирщик почесал затылок. — А я вот что хотел... Может, останетесь у нас на недельку-другую? Работы много. Поля вон запустели, заборы починить, крышу пе-

рекрыть... Кормить буду, заплачу, сколько смогу. А то молодёжь вся в города подала, одни старики да бабы остались. А у вас вон руки есть, и мечом махать умеете — значит, и топором не хуже.

Боргар, доедавший свою похлёбку, поднял голову.

— Мы не плотники, — буркнул он. — Мы охотники.

— Охотники, — трактирщик вздохнул. — Это хорошо. Только твари-то по ночам шастают, а днём поля пустуют. Я ж не за так — отработаете, поесть дам, переночевать.

— Нам скоро в дорогу, — ответила Элиана. — Извините, контракт не позволяет задерживаться.

— Контракт... — Трактирщик махнул рукой. — Ну как знаете. Только смотрите, в лесах нынче беспокойно. Говорят, звери совсем обнаглели, да и не только они. Если передумаете — милости просим. Мне бы хоть пару человек.

Он отошёл к стойке, бормоча что-то про нынешнюю молодёжь, которая только серебро считать умеет.

— Слышал? — Элиана усмехнулась, глядя на Габриэля. — Могли бы траву косить. Вместо того чтобы тварей убивать.

— Траву косить и в Дисцилюсе можно.

— Он прав, — добавил, не поднимая глаз, до того молчавший Рован. — Косить мы и в городе успеем. А вот серебро...

— Слушай, — сказал сын кузнеца. — А ты не думал действительно остаться? Вот как тот трактирщик предложил — крышу там, заборы.

Рован поднял глаза.

— Ты серьёзно?

— Просто думаю вслух. — Боргар поскрёб затылок. — Отец писал в прошлом месяце. Хочет, чтобы я вернулся. Говорит, кузня расширяется, нужны руки.

— И?

— И ничего.

Рован смотрел на него немного дольше, чем обычно.

— Напиши ему, — сказал он наконец. — Когда вернёмся.

Добровольцы налегли на простую, но сытную похлебку и чёрный хлеб, Горм придвинулся к заказчикам. Разговор был тихим и деловым. Габриэль уловил лишь обрывки: «...задержка на переправе...», «...слухи о саях в Ржавом лесу...», «...важно доставить как можно быстрее...».

Купец, оживляясь, делился последними вестями, отхлебывая вино из кружки.

— В столице опять переполох, Горм. Совет Магов требует новых налогов «на защиту от внеплановых аномалий». Корона, как водится, не в восторге. Говорят, герцог Лангхартский открыто назвал их шарлатанами. Будет чему болеть, то и шею свернут друг другу. А на границах... тихо. Слишком тихо. Бандиты куда-то подались, будто их ветром сдуло. Мне такая тишина не нравится.

Горм лишь хмыкал, внимательно слушая, его единственный глаз был неподвижен. Вскоре трапеза была окончена. Все вышли на улицу, где их ждал караван — три прочные,

крытые повозки, запряженные выносливыми лошадьми. За двумя уже сидели возницы.

Купец ловко вскарабкался на порог первой повозки и взял вожжи. Рыцарь молча взгромоздился на своего старого коня, заняв позицию по правую руку от возницы. Горм легко вскочил в седло и влился в беседу с купцом с левой стороны. Их разговор теперь был не слышен за скрипом колес и топотом копыт.

Добровольцы же пошли следом. Их взгляды невольно тянулись к повозкам. Груз был тщательно укрыт плотным, непромокаемым брезентом, туго перетянутым веревками. Ни щелочки, ни единого намека на то, что скрывается внутри.

— И что это может быть? — пробормотал Боргар, вглядываясь в безуспешные попытки разглядеть хоть что-то сквозь ткань. — Слишком уж тщательно прячут.

Рован пожал плечами, но по его сосредоточенному виду было ясно, что он уже строит догадки. Элиана и Габриэль молча переглянулись. В монастыре им говорили, что они везут «важный груз». Теперь же эта заурядная, но тщательно скрываемая повозка казалась куда более загадочной, чем любой описанный в хрониках артефакт. Ясно было одно - они охраняли не просто ящики.

Не человека надо бояться

Ржавый лес, XII Век, 51 год.

День в пути пролетел незаметно. Даже угрюмый Горм раз-

вязал язык с заказчиками — торговцем Одо и сэром Харсом де Паркатом. Их неторопливая беседа, доносившаяся из седла, была полна отсылок к дорогам, ценам и нравам столичных вельмож.

Ближе к вечеру караван свернул с дороги на полянку, окруженную частоколом старых сосен. Пока возницы распрягали лошадей, все быстро подкрепились дорожными припасами. Одо, позевывая, сразу удалился в свой шатер. Сторожить первую смену остались Горм и сэр Харс.

— А вы пока что отдыхайте, — бросил Горм, обращаясь к воинам из Дисцилюса. — Наслаждайтесь сном, пока можете. Впереди два дня тяжелой дороги.

Боргар, укладываясь у огня, подsunул под голову скатанный плащ и долго смотрел в небо.

— Звёзды здесь другие, — сказал он.

— Те же самые, — ответил Рован, не открывая глаз.

— Я вот думаю — мы за двадцать лет ни разу не видели их вот так. Над лесом. Над полем.

Рован открыл один глаз.

— Ты что, пьяный?

— Просто говорю. — Боргар засопел. — Красиво.

Рован закрыл глаз.

— Да, — сказал он тихо. — Красиво.

Габриэль предпочел уединение и прислонился к толстому стволу старого дуба на краю поляны. Он уже начал проваливаться в сон, когда рядом бесшумно пристроилась Элиана.

Не говоря ни слова, она прижалась к его плечу, и через мгновение ее дыхание стало ровным. Габриэль, укрыв ее своим плащом, последовал ее примеру.

Его сон прервал звук рвущейся ткани. Из-под брезента повозки выползала липкая тень, которая оборачивалась громадным волком с перекошенными, мутировавшими лапами. Юный охотник вскочил, достал меч, но чудовище сбило его с ног, и он почувствовал ледящую, острую боль, когда клыки впились в горло.

Габриэль дернулся и проснулся, не понимая, что произошло. Он и правда чувствовал давление на шее. Сердце бешено заколотилось, но через секунду он осознал: это была всего лишь голова Элианы, по-прежнему безмятежно сопящая у него на плече. Сон отступил, но оставил после себя чувство тревоги. Он уже не мог уснуть. Всю оставшуюся ночь он провел, вглядываясь в очертания повозки, и ему казалось, что от нее исходит едва уловимое, давящее на виски излучение.

Утро не принесло облегчения. Чувство в висках лишь усилилось, превратившись в навязчивый, пульсирующий гул. Караван тронулся в путь, и это ощущение только росло.

Внезапность была оглушительной. Раздался резкий звук рвущейся ткани, и из-под брезента первой повозки, словно из преисподней, выпрыгнуло нечто. Это был волк из сна, но искаженный до неузнаваемости — огромный, с неестественно вывернутыми суставами и ключьями слипшейся шерсти. Все произошло за мгновение. Лапа с когтями, похожими на

изогнутые кинжалы, взметнулась и голова Боргара, с застывшим на лице удивлением, отлетела в сторону.

Испуганные лошади вздыбились от ужаса, потащили вторую повозку в сторону леса и застряли в ближайших деревьях.

Горм молниеносно спрыгнул с коня, выхватывая меч из ножен в прыжке. Он бросился на чудовище, и к нему тут же присоединился сэр Харс, чей старый клинок зазвенел, блокируя удар когтей.

В это время из груды обломков застрявшей повозки с рычанием выполз второй мутант. Рован, Элиана и Габриэль встали в ряд. Бой превратился в отчаянную борьбу за выживание.

Вокруг начала сгущаться черная, едкая дымка, исходящая от тварей. Видимость упала почти до нуля. В этой крошечной тьме внезапно вспыхнул голубой свет. И из него, словно призрак, возникла та самая девушка из трактира, а в руках сверкал необычный клинок. Два точных, молниеносных взмаха — и первый волк, сражавшийся с Гормом, остался без лапы, а затем и без головы.

Но было уже поздно, второй монстр уже разорвал Рована. Через мгновение тварь приготовилась к прыжку на Элиану, выронившую меч из порезанной руки и беспомощно замершую на земле. Габриэль встал между ними, готовясь к защите.

— Габ, призыв света! — Услышал за спиной охотник и

сложил пальцы в жест. В тот же миг Элиана подняла руку, и ее пальцы, залитые кровью, сложились таким же образом.

Две вспышки чистого света слились воедино, пронзив существо, словно копье. Тварь, объятая пламенем света, рухнула замертво, а через мгновение раздался оглушительный хлопок с выходящим обратно светом. Габриэль почувствовал, будто гигантская невидимая рука схватила его и швырнула назад, мир на мгновение пропал, и глаза залились белой пеленой. Его подруга из последних сил сложила жест, призывающий щит света. Вокруг неё вспыхнул небольшой полупрозрачный купол. Он должен был защитить Элиану от надвигающегося света, но вместо этого запер его внутри. Свет начал отражаться от стенок десятки раз.

Когда зрение Габриэля вернулось, его взгляд тут же упал на Элиану, рухнувшую на землю, будто сломанная кукла. Боль в теле, ушибы, страх — всё исчезло, сменяемое одной всепоглощающей мыслью. Он пополз, цепляясь руками за землю, не чувствуя ничего, кроме холодной паники, сжимающей сердце. Подхватив её, прижал к своей дрожащей груди, и его пальцы тут же нащупали липкую влагу у неё на виске — кровь. Её лицо было мертвенно-бледным, губы посиневшими.

— Элиана! Дыши! Дыши, Лорна тебя побереи! — он тряс её за плечо, гладил по щеке, его голос срывался на шёпот, полный отчаяния. — Прошу тебя... не умирай, только не умирай, слышишь?

Её грудь судорожно взметнулась в глубоком, прерывистом вздохе, будто она продиралась сквозь толщу воды к поверхности. Её веки дрогнули и медленно приподнялись. Но в них не было былой жизни. Её прекрасные голубые глаза, всегда такие ясные и насмешливые, были пусты. Они смотрели сквозь него, в никуда, широко раскрытые и полные ужаса.

— Габриэль — её голос был едва слышным. Она медленно, неуверенно повернула голову в его сторону, но взгляд её оставался мёртвым и неподвижным.

— Габ... Я не вижу... — Через секунду её губы задрожали — Я... ничего не вижу...

И тогда по её бледным щекам медленно потекли слёзы. Слёзы беспросветной тьмы.

Цена свободы

Ржавый лес, Немногим позже

Потребовалось несколько мучительных часов, чтобы вернуть уцелевшую повозку на дорогу, сдернуть с неё изорванный брезент и осмотреть разбитые ящики. Торговец Одо, бледный как смерть, судорожно пересчитывал уцелевшие грузы, бормоча что-то о страховках и своей лавке «Антиквар Одо». Сэр Харс де Паркат молча перевязывал свою окровавленную руку. В центре внимания оказалась незнакомка. Горм стоял перед ней, скрестив руки, его единственный глаз буравил девушку. Их разговор был тихим, отрывистым, но в тишине, повисшей над полем боя, до других долетали обрывки.

— ...прислали из Башни, — сухо ответила девушка. Её голос был низким и ровным, без эмоций. — Мониторинг показал всплеск аномальной активности в Ржавом Лесу. Вывоз такого груза через эти земли был... самонадеянностью, Горм.

Горм что-то проворчал в ответ, но в его позе читалось скорее мрачное согласие, чем гнев. Выяснилось, что зовут её Лираэль. Ни титула, ни звания. Просто Лираэль, посланница магов.

Габриэль не слышал их. Он сидел среди груза одной из повозок, прижимая к себе Элиану. Она больше не плакала. Она просто дрожала, и её пустой, затянутый бельмом взгляд был устремлен куда-то в пространство. Он гладил её по волосам, шептал что-то бессвязное — обещания, что всё будет хорошо, клятвы, что найдёт способ её исцелить, глупые, детские воспоминания о монастыре. Слова казались пустыми и бесполезными, букашками, бессильно стучащими о стену её ужаса. Он чувствовал себя последним ничтожеством. Именно в этот момент тень упала на них. Габриэль вздрогнул и поднял голову. Над ним стояла Лираэль. В свете дня её лицо казалось ещё более строгим, а в глазах, цвета старого льда, читалась холодная, аналитическая оценка.

— Девушка не вынесет дальнейшего пути с караваном, — заявила Лираэль, не тратя слов на предисловия. — Её состояние требует покоя и осмотра. Я сопровожу вас обоих обратно в Дисцилюс.

Габриэль хотел возразить, сказать, что они справятся сами, что он её довезет, что... Но слова застряли в горле. Он посмотрел на бледное лицо Элианы, на её беспомощно сжатые пальцы, вцепившиеся в его рукав, и ощутил всю глубину своего бессилия. У него даже лошади не было. Он был никем.

— Эль... — прошептал он, обращаясь к Элиане, но она лишь сильнее прижалась к нему, её слепые глаза заморгали, полные новой паники при звуке незнакомого голоса.

Тяжёлые шаги приблизились. Это был Горм. Он молча смотрел на них несколько мгновений, его шрам, рассекающий пустую глазницу, казался ещё глубже. Он угрюмо кивнул на обломки повозки.

— Откуда они вообще взялись такими? Я видел тени — но не такие. Это уже не тени.

Лираэль не обернулась.

— Тьма не создаёт тварей сама, — сказала Лираэль, разглядывая останки. — Она принимает форму. Тени становятся тем, чем питаются. Страх, боль, отчаяние, гнев. Вы удивляетесь, что они стали волками. Я удивляюсь, что не стали чем-то хуже.

Наёмник протянул Габриэлю небольшой, но увесистый кожаный мешок. Тот глухо звякнул.

— Твоя доля, — хрипло сказал Горм. — И её. За выполнение контракта... Пусть Лорна встретит твоих друзей с распростёртыми объятиями.

Габриэль взял мешок. Серебро. Цена за смерть Боргара и Рована. Цена за свет, украденный у Элианы помещалась у него в ладони... Оно жгло ему ладонь.

— Не умирай на чужой войне, мальчик-монах... Найди свою дорогу в дурном мире и... Бывайте.

Он развернулся и пошёл прочь, к ожидавшим его Одо и Харсу, к своей дороге, своей войне, которую он понимал.

Лираэль, не дожидаясь, уже вела под уздцы двух коней — одного из караванных, второго своего — стройного жеребца пепельной масти.

— Мы выходим сейчас. Чем раньше она окажется в стенах, тем лучше.

Габриэль осторожно поднял Элиану на ноги. Она шатнулась, но он крепко обнял её за плечи, став её глазами, её живым костылём. Он помог ей взобраться в седло, затем вскочил позади, чтобы она могла держаться за него.

Лираэль вывела своего коня на дорогу, ведущую обратно, к зубчатым стенам, которые теперь казались тюрьмой. Габриэль последовал за ней, чувствуя, как в такт шагам коня в его висках начинает нарастать новый, странный гул, которому всадник не придал значения.

Каменное гнездо

Дисцилюс, XII Век, 51 год.

Стены Дисцилюса, когда-то казавшиеся надёжной защитой, теперь встретили их холодом. Они въехали в ворота под тяжелыми взглядами стражников на башнях. Весть о возвра-

щении — и о том, как они возвращались — облетела монастырь быстрее, чем они в нём появились. На внутреннем дворе их уже ждал брат Симеон.

Его лицо, обычно подобное высеченному изваянию из гранита, дрогнуло на мгновение, когда он увидел своих учеников. Глаза мгновенно оценили картину: бледную, слепую ученицу в седле перед Габриэлем, суровую незнакомку, отсутствие Боргара и Рована.

— Отведите её к брату Гаюсу, в лазарет, — отрывисто бросил он двум подошедшим монахам. — Осторожно.

— Элиана, тебе нужна помощь, — прозвучал низкий, успокаивающий голос одного из них. Габриэль почувствовал, как она инстинктивно вжалась в него.

— Я... я с тобой, — прошептал он ей, помогая слезть.

— Нет, — сухо пресек старший монах, сделав один шаг вперед. Его голос, привычный к повиновению, не допускал возражений. — Твоё место сейчас здесь. Элиану отведут к брату-целителю. Ей окажут необходимую помощь.

Девушку, почти не сопротивляющуюся, увели между двух рядов серых камней, её шаги были неуверенными, а рука в последний момент потянулась в пустоту, где должен был быть Габриэль. У него сжалось сердце.

Лираэль легко спрыгнула с седла и подошла к Симеону. Её приветствие было холодно и лишено всяких церемоний.

— Брат Симеон. Мне необходимо немедленно видеть епископа. Дело Башни и инцидент на дороге.

Симеон кивнул, не выражая ни удивления, ни протеста. Легким движением головы он призвал ещё одного монаха.

— Проводи деву к епископу.

Лираэль, не оглянувшись, последовала за проводником, её тёмный плащ растворился в арке, ведущей к главному храму. Габриэль остался стоять один на пустынном дворе лицом к лицу с Симеоном. Давление тишины, нарушаемое лишь далёким звоном кухонной утвари и криком ворона, стало невыносимым. И это молчание взорвалось изнутри.

— Вы знали? — Это было обвинение, вырвавшееся хрипло, с дрожью гнева, которую Габриэль уже не мог сдержать. — Когда посылали нас с Гормом... Вы знали, что грузом были твари? Что это было, Симеон? Что это за чудовище? Оно взрывается тьмой и не берётся клинком!

Симеон посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Я знал, что путь будет опасен. Большого знать мне не полагалось.

— Не полагалось?! — голос Габриэля сорвался, отдаваясь эхом от стен. — Боргар и Рован мертвы! Элиана... — он сглотнул, пытаясь взять себя в руки, но это не удавалось. — Она ничего не видит!

— Лекарство брата Гаюса уймёт боль, но то, что случилось с её зрением... Молитва и время — наши единственные союзники. И даже они... — Он не договорил, но его смысл был ясен: они бессильны.

В этот момент Габриэль почувствовал резкий, колющий

спазм в виске, точно под кожей дёрнулся чёрный, скрученный корень. Он чуть не пошатнулся, и перед глазами на мгновение проплыл образ — он видел себя, стоящего над растерзанным телом, а его руки были в крови до локтей. Видение исчезло, оставив после себя лишь ужас и металлический привкус во рту. Симеон заметил его бледность.

— Тебя тоже ранили. Тебе нужен покой.

— Мне нужно быть с ней, — отрезал Габриэль, отстраняясь.

— Завтра, — голос Симеона вновь приобрёл командные нотки. — Сейчас ты ей не поможешь. Ступай, умойся, отдохни. И помолись, Габриэль. За неё и за себя. Чтобы найти силы принять то, что изменить нельзя.

Габриэль, безоружный, смотрел, как Симеон разворачивается и уходит в сторону главного здания, к епископу и Лираэль, которые сейчас решали судьбы, не думая о сломанных жизнях в лазарете. Он остался один посреди холодного двора, с серебром, жгущим бок, и с безнадёжностью, которая сдавливала горло ту же любой петли.

Лунный корень

Дисцилюс, на следующий день

Габриэль не отдыхал. Весь день он провёл на холодном полу коридора у дверей лазарета, прислушиваясь к разговору постоянно входящих и выходящих монахов за дубовыми створками. Сквозь них часто доносилось прерывистое, испуганное дыхание подруги. Он не слышал плача. Она затихла,

ушла в себя, в ту самую тьму, что теперь заполнила её изнутри. Когда солнце уже садилось, его нашёл монах-послушник.

— Епископ ждёт тебя, Габриэль. В его башне.

Не к Симеону, не к брату-распорядителю. К епископу лично. Значит, дело обстоит серьезнее, чем проваленная миссия и мёртвые ученики.

Место епископа находилось в самой старой части монастыря, в высокой двухэтажной башне над архивом. Дверь в кабинет была приоткрыта. Габриэль постучал, изнутри раздался голос, приглашавший войти. Он вошёл, осторожно толкнув тяжёлое дубовое полотно. Кабинет был небольшим.

Массивный стол, заваленный бумагами и свитками, полки с древними фолиантами, тяжёлый ковёр, приглушающий шаги, меч в простых, но безупречных ножнах на стене, рядом карта ближайших мест. Рядом со столом ещё одна дверь в архив, из которого доносился голос епископа. В углу, на отдельном пюпитре, стоял хрустальный шар размером с человеческую голову. Внутри него медленно вращалось мягкое, золотисто-белое сияние, похожее на крошечное захваченное солнце. Габриэль невольно задержал на нём взгляд. Свет был тёплым, успокаивающим. Он сделал шаг ближе, и сияние внутри шара дрогнуло, будто отозвавшись на его движение. Ещё шаг — и свет отпрянул к противоположной стенке шара, оставив возле Габриэля прозрачную, холодную пустоту. Он замер и медленно протянул руку, и сияние в шаре отступило ещё дальше, словно боялось прикосновения.

Дверь архива скрипнула, и из неё вышел Иларий, невысокий, с фигурой, в которой чувствовалась стальная пружина, и взглядом старого ястреба из-под густых седых бровей. Он держал в руках посох и длинный, узкий свёрток в грубом холсте, а затем положил свёрток на стол с глухим, металлическим стуком.

— Садись. — ровным и спокойным голосом произнёс епископ.

Габриэль остался стоять. Его пальцы вцепились в спинку стула.

— Что с Элианой? — голос его был хриплым, но твёрдым, как сталь этого меча на стене.

Иларий тяжело опустился в кресло. Свечной свет дрожал на его суровых чертах.

— Брат Гаюс унял боль. Её жизни ничего не грозит. Но то, что случилось с её зрением... Это не просто удар или порез. Это глубокое повреждение, вызванное выбросом нестабильной энергии во время той... стычки на дороге. Монастырская медицина здесь бессильна.

— Она... навсегда? — прошептал он.

— Для наших средств — да. — Иларий сложил руки на столе. Его взгляд был неотвратим. — Но мир велик и полон забытых рецептов. Есть старинные записи... о растении, называемом «Лунный Слёзник». Говорят, он растёт на берегу озера Мёртвой Воды. Разглядеть его можно только ночью, когда лунный свет отражается от воды. Его сок, согласно ле-

гендам, способен исцелять раны, которые не берут обычные снадобья. Аэрон свидетель — я не хочу посылать тебя в такое задание без опытного наставника рядом.

— Я найду его.

— Легко сказать, — Иларий приподнял седую бровь. — Озеро лежит в двух с половиной днях пути. Место это... гиблое. Болота, топи. В воздухе там висит дурман, сводящий с ума. Местные шепчутся о хранительнице, что сторожит цветок. А ещё там водятся твари, которых не встретишь на обычных тропах. Но главное — сорвать его нужно в правильное время. Не просто ночью. Только когда луна отражается в озере чисто, без ряби. Такое состояние продлится лишь несколько мгновений. В деревне Узлы живут люди старой закалки. Их предки жили в тех местах. Они могут знать тропу.

Он помолчал, глядя на Габриэля, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на любопытство.

— А теперь расскажи мне, что произошло на дороге. Всё. С самого начала.

Габриэль сглотнул и начал говорить. Сначала — о том, как Горм вёл их к каравану, как они встретились с торговцем Одо и сэром Харсом. Только умолчал о странном, давящем чувстве и сне.

— А потом... — голос его дрогнул. — Потом ткань порвалась. Из повозки выпрыгнуло... нечто. Волк, но огромный, с перекошенными лапами. Существо ударило Боргара... и го-

лова его отлетела. Началась драка...

Старик молча слушал рассказ о сражении с существом, появлении посланницы магов и судьбе каравана, его лицо оставалось непроницаемым, но пальцы, лежавшие на столе, слегка сжались.

— Башня магов всегда появляется там, где есть что делить. Понятно. — Иларий поднялся, прошёлся по комнате, остановился у окна, высматривая кого-то. Он хотел добавить что-то ещё, но в дверь постучали. Епископ бросил взгляд на свёрток, лежавший на краю стола.

— Войдите.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился один из младших братьев — тот, что обычно нёс охрану у ворот. Он вытянулся, ожидая приказа.

— Брат Северин, — Иларий кивнул на свёрток. — Отнеси это в оружейную. Положи на стеллаж с древними клинками. И проследи, чтобы замок был заперт.

— Слушаюсь, — охотник взял свёрток, из которого торчало лезвие, украшенное рунами, поклонился и вышел, приотворив за собой дверь. Иларий проводил его взглядом, затем повернулся к Габриэлю.

— Хороший меч. Послужил многим охотникам. А теперь послушай меня, мальчик. То, что ты мне рассказал, должно остаться между нами.

— Но почему?

— Потому что я так говорю, — отрезал Иларий и снова

сел в кресло. — Ты сделал всё, что мог, Габриэль. Ты сражался. Ты пытался защитить своих товарищей. Но ты не виноват в том, что случилось. Никто из вас не был готов к такому. Ты понимаешь это?

Габриэль молчал. Слова епископа не приносили облегчения. В его голове билась лишь одна мысль: если бы он был сильнее, быстрее, если бы заметил опасность раньше... Элиана сейчас не лежала бы в лазарете, лишённая зрения.

— Я должен найти этот цветок, — сказал он, поднимая голову. — Это единственный шанс.

— Не должен, поскольку я не могу отпустить тебя на верную смерть.

— Но вы сами сказали, что монастырская медицина бессильна. Я не могу просто сидеть и смотреть...

— Можешь и будешь, — перебил Иларий. — За этим я тебя и позвал. Не принимай никаких действий. Это приказ. Ты уже потерял двух товарищей, едва не умер сам. Довольно смертей. Это окончательное решение. — Взгляд опустился на шею юноши. — Где твоя звезда?

— Потерял в сражении, — с досадой сказал Габриэль, трогая место, где висел кулон.

Иларий зашёл в свою комнату и через несколько мгновений вышел обратно, бросив в руки охотника новый кулон. Он был несколько темнее и с руной на задней стороне.

— А теперь ступай.

Побитый охотник развернулся и вышел, не сказав больше

ни слова. Возвращаться в лазарет не имело смысла — брат Гаюс не пустит его к подруге до утра. Он побрёл в свою каморку, маленькую, холодную, с узкой койкой и грубым столом.

Мысли лихорадочно метались. Иларий говорил о деревне Узлы, о тропах, но без проводника он просто заблудится в этих лесах. Беглого взгляда на карту, висевшей в кабинете, хватило чтобы понять в какую сторону идти. Если есть хоть один шанс — пусть и призрачный — он должен его использовать.

Монастырь погрузился в сон, лишь редкие патрули обходили стены. Накинув тёмный плащ, Габриэль бесшумно выскользнул из комнаты. Он крался вдоль стены, прижимаясь спиной к холодному камню. В дальнем конце коридора тускло мерцал масляный светильник, у выхода кто-то был. Он выглянул из-за угла. Молодой послушник в лёгкой кольчуге стоял, прислонившись к косяку, и клевал носом. Обычная смена, обычная скука.

Оставалось только ждать. Минуты тянулись мучительно медленно. Габриэль слышал, как за стеной возится мышь, как где-то далеко скрипнула половица. Наконец послушник вздохнул, почесал затылок и, покачиваясь, побрёл в сторону кухни. Габриэль дождался, пока шаги стихнут, и скользнул к двери.

Теперь ему нужно было добраться до северной стены. Она обвалилась ещё задолго до появления Габриэля в монасты-

ре, а брешь тогда заделали на скорую руку и с тех пор больше не трогали. Этот лаз стал его единственным путём к свободе. Он пролез сквозь узкий проём, царапая спину о грубый камень, и оказался снаружи. Ночной ветер ударил в лицо, холодный и свежий. Внизу, в темноте, шумел лес, а впереди, за ним, лежала дорога в Узлы.

Деревня Узлы, XII Век, 51 год.

За несколько дней пути охотник, снова вышедший за стены, встретил несколько таких же путников на дороге, которых расспросил о своём пункте назначения, быте, людях.

Деревня Узлы оказалась жалким скоплением изб. Первым делом Габриэль направился к единственному заметному зданию — низкой, длинной постройке с подслеповатыми окнами и вывеской, на которой угадывался контур кружки. Таверна «У Просеки».

Внутри было сумрачно, пахло жареным салом и немывыми телами. За грубым деревянным прилавком стоял толстый, лысеющий трактирщик с равнодушным взглядом. У стены, на единственной лавке, сидели двое местных — загорелые, с потрескавшимися руками, беззвучно ковыряясь в мисках с похлёбкой. Их взгляды скользнули по Габриэлю, отметили меч у пояса и монастырский, хоть и потрепанный, кулон, и снова утонули в еде.

— Есть что? — спросил Габриэль, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Похлёбка. Хлеб. Солонина, если деньги есть, — буркнул трактирщик.

— Давай хлеб и кусок той солонины. — Габриэль достал из своего кошелька пару серебряных монет, звон которых заставил трактирщика оживиться.

Пока еду заворачивали в грубую ткань, Габриэль, понизив голос, спросил:

— Слышал, тут неподалёку старик живёт, травник. Морок, вроде. Говорят, знает здешние леса как свои пять пальцев. Как к нему пройти?

— Морок? — он хмыкнул, не глядя на Габриэля. — Он... на отшибе. У самого леса. По тропе за кузницей, прямо, пока не упрёшься в старую сосну с обломанной верхушкой, потом налево, по тропинке. Но он не любит гостей. Особенно таких — он кивнул на плащ Габриэля. — Да и... давно его не видели. Может, и помер уже. Там место нехорошее.

— Спасибо, — коротко бросил Габриэль, взял свёрток с едой и вышел на улицу, чувствуя на спине тяжёлые взгляды.

Он уже миновал площадь, направляясь к указанной кузнице. Несмотря на общее безразличие и усталость его внимание привлекли крики. Голос был громким и злым.

— Паскуда! Ворюга! Опять в кладовку залезла, язва!

На пыльной земле перед одним из более крепких домов стоял крупный, краснолицый мужик в добротной, хоть и грязной рубахе. Он тряс за шиворот худенькую девочку лет десяти-двенадцати.

— Я... я не воровала... я голодная. А ваша настойка уже давно готова. — всхлипывала девочка, закрывая лицо небольшим капюшоном.

— Голодная?! — мужик занёс тяжёлую, мозолистую руку. — Я тебя, полукровку поганую, покормлю! На всю жизнь запомнишь!

Ноги сами понесли Габриэля вперёд. Его рука перехватила мужичье запястье за миг до того, как удар обрушился бы на детскую щёку.

— Хватит.

Мужик осекся, обернулся. Его маленькие свиные глазки сверкнули.

— А тебе-то что?! Отвали, пока цел! Это моя собственность! Куплена! Бесправная тварь!

— Сколько? — голос Габриэля прозвучал глухо, но чётко. Он смотрел не на мужика, а на девочку. В её широко раскрытых глазах, золотисто-янтарных, как у лесного зверька, стояли слёзы.

— Что?! — не понял мужик.

— Сколько ты за неё заплатил? Назови цену. Я выкупаю.

По лицу деревенщины проползла алчная искорка. Мужик отпустил девочку, а ветер снял с неё капюшон. Габриэль, присмотревшись, почувствовал, как ледяная волна пробежала по спине. Из-под спутанных, пепельных волос девочки торчали два небольших, покрытых мягким сероватым мехом треугольных уха. Волчьи.

— О... выкупаешь? Ну, это другое дело... — он облизнул губы, оценивающе оглядев Габриэля с ног до головы. — Дело-то давнее, но... я её кормил, поил, крышу над головой давал... Да и диковинка редкая. Полукровки-волчата нынче в цене у богатых господ на потеху... двадцать пять серебряных. Не меньше.

Торг был коротким и грязным. Мужик ломался, сплёвывал, клялся, что это даром отдаёт. Габриэль, стиснув зубы, чувствуя, как его серебро утекает сквозь пальцы, сбил цену до пятнадцати монет. Четверть того, что у него было после оплаты в таверне.

— Забирай свою диковинку. И скатертью дорога. У меня с вами, монахами, дела больше нет. — Мужик, с видом человека, которого обокрали, забрал звонкие кружочки, плюнул под ноги и скрылся в избе.

Ребенок, дрожа, прижался к Габриэлю. Её волчий хвост, пушистый и тоже сероватый, был поджат между ног. Она молча шла рядом, крадучись, пока они не скрылись за первыми деревьями тропы, ведущей к лесу. Только тогда, в тени старых сосен, она осмелилась заговорить. Её голосок был тихим, хрипловатым, будто редко используемым.

— Почему? — прошептала она. — Ты... тоже будешь меня бить? Или...

Габриэль остановился. Медленно, чтобы не спугнуть, он устало опустился на колени, оказавшись с ней на одном уровне. В её глазах, янтарных и диковато-ясных, он увидел без-

донный, животный страх.

— Нет, — сказал он просто, и его собственный голос прозвучал тише, мягче, чем он ожидал. — Меня зовут Габриэль. Я не буду тебя бить. И никому не продам.

Он осторожно, почти неуверенно, протянул руку и легонько коснулся ладонью головы, между двумя теплыми, бархатистыми на ощупь волчьими ушками. Уши дёрнулись от прикосновения, но она не отпрянула. Габриэль мягко провёл рукой по её спутанным волосам.

— Ты свободна, — сказал он, убирая руку. — Можешь идти куда захочешь.

Она смотрела на него, её ушки-треугольники всё ещё настороженно топорщились, но дрожь в плечах чуть утихла. Она как будто изучала его запах, его выражение лица, ища подвох в его словах и в этом странном, тихом прикосновении.

— Свободна? — Она произнесла слово с непониманием, будто это было заклинание на неизвестном языке. — Куда? Тут... везде люди. Они... как он. Или хуже. Я в травах разбираюсь, делала лекарства для моих хоз.. Для людей из того дома.

Габриэль вздохнул. Он не мог спорить. В её словах была горькая правда, которую он сам начинал познавать за стенами монастыря.

— Я иду в лес, к одному старому человеку. Потом — дальше, к озеру. Ищу растение, чтобы помочь... одной девушке.

Ты знаешь дорогу к травнику Мороку?

Сильвира кивнула, её взгляд прояснился на миг.

— Знаю. Он... иногда давал мне травы, когда я болела.

— Она указала тонким пальцем на едва заметную тропинку, уходящую в зелёную чашу. — Туда.

Они двинулись в путь. Лес быстро поглотил их, и мир сузился до узкой тропы, стен из древесных стволов и зелёного полумрака. Сильвира шла впереди, её движения были бесшумными и уверенными — она словно читала невидимые знаки на земле, улавливала малейшие шорохи, которых Габриэль даже не замечал. То и дело она сворачивала с, казалось бы, прямой и безопасной тропы, объясняя это тем, что там плохой запах и множество ядовитых трав. Он следовал за ней, и странное чувство покоя, которого он не испытывал со времён катастрофы с караваном, начало медленно просачиваться сквозь тревогу. Было что-то умиротворяющее в этом молчаливом шествии, в ритме их шагов и в ощущении, что он не один в этом враждебном лесу. Под мерный скрип его ножен и шелест листьев она постепенно разговорилась. Слова выходили робко, отрывисто, как будто она заново училась доверять звуку собственного голоса.

— Так что ты такое? — Охотник задался вопросом, так как в книгах Дисциплиуса о таких существах не было написано. — У тебя клыки, но ты не вампир, да и на щенка волколака ты не очень похожа.

— Мой народ... Жил на острове, — начала она, не обо-

рачиваясь. — Там скалы в небо упираются, а леса такие густые, что солнце только пятнами на землю пробивается. Море холодное, всегда в тумане. В наших пещерах было много светящейся белой руды. Из-за неё на остров повадились пираты... А потом люди, зовущие себя Железными Клыками... они пришли уже не за рудой. Они пришли за нами. У них были сети из блестящих нитей. И дымные шары... от них голова тяжёлая становится, ноги не слушаются. Они ловили нас ночью, когда луна скрыта. Взрослых... — она сделала паузу, и её плечи слегка сжались, — взрослых убивали. Если сопротивлялись. А детёнышей... таких, как я... забирали. Говорили, мы «диковина».

— Как ты сюда попала?

В клетке, — коротко ответила девочка. — Потом... города, ярмарки. Меня покупали, продавали... Пока Хольд не привёз сюда. Я часто убегала. — В её голосе мелькнула нотка гордости. — А он меня наказывал. И иногда бил.

— Светящаяся белая руда... Скорее всего, пираты добывали у вас на острове серебро, — сделал вывод Габриэль. — У тебя есть имя?

— Меня никак не звали. — Девочка покачала головой, её ушки виновато поникли.

— Я буду звать тебя Сильвирой. Это означает серебряная. Как твои волосы.

Девочка на мгновение замерла. Затем её настороженность немного спала, а губ коснулась едва заметная, робкая улыбка.

ка. — Силь... Ви... Ра... — тихо повторила она, крепче сжимая лямку своего изорванного плаща. — Мне нравится.

— А ты? — спросила она вдруг, не оборачиваясь. — У тебя тоже была стая?

— Монастырь. Там есть люди, которые мне важны.

— Но ты ушёл.

— Пришлось.

Сильвира помолчала, потом произнесла с детской прямо-той, от которой нет защиты:

— Когда уходишь от стаи не потому что выгнали, а сам — это страшнее. Потому что сам выбрал.

Габриэль не ответил. Ответить было нечего.

Лес сгущался с каждым шагом. Солнечные лучи, и без того скупые, теперь лишь изредка пробивались сквозь сплошной полог вековых елей и сосен, оставляя на земле бледные, дрожащие пятна. Воздух стал тяжёлым, влажным и пахнул не просто сырой землёй и хвоей, а чем-то ещё — сладковатым, приторным запахом гниения, едва уловимым, но стойким. Тишина вокруг была не мирной, а давящей, гнетущей. Не слышно было ни птичьего щебета, ни стрекотания насекомых, ни даже шороха мелкого зверья в подлеске. Только их собственные шаги да редкий скрип ветки под ногой нарушали это мёртвое безмолвие.

Сильвира шла всё медленнее, её уши постоянно двигались, улавливая беззвучные, для запыхавшегося Габриэля, вибрации.

— Тишина... она неправильная, — прошептала она. — Здесь должно быть шумно. Жизнь должна быть.

Габриэль кивнул, его рука сама потянулась к рукояти меча. Инстинкт подсказывал то же самое: эта тишина была признаком хищника. Или чего-то худшего.

Наконец, в просвете между тёмными, поросшими мхом стволами показалось строение. Хижина, сложенная из толстых, почерневших от времени плах, будто выросла из земли, сросшись с огромным, трухлявым пнем. Крыша из дранки почти полностью скрылась под зелёным ковром мха. Единственное окно было затянуто грязной, промасленной кожей, сквозь которую не проникало ни лучика света. Ни дыма из трубы, ни каких-либо признаков жизни. Только тот же сладковато-гнилостный запах был здесь чуть сильнее.

Из-за двери донёсся звук. Короткий, влажный, похожий на то, как пьёт большое животное. И сразу же за ним — сдавленный, хриплый выдох, полный боли и ужаса. Звуки оборвались так же внезапно, как и начались, будто их источник услышал их приближение. Габриэль мгновенно замер. Его взгляд встретился с взглядом Сильвиры. Девочка вся напряглась, её нос слегка повёл, улавливая запах, и на её лице отразилось чистое, животное отвращение, смешанное со страхом.

Охотник жестом велел ей остаться, прижав палец к губам. Он бесшумно вынул меч. Сердце колотилось где-то в горле, но разум был холоден и ясен. Он подошёл к двери, не реша-

ясь постучать. Вместо этого он упёрся плечом в грубые доски и, задержав дыхание, мягко надавил. Дверь, к его удивлению, поддалась без скрипа — она была не заперта.

Внутри царила тьма, нарушаемая лишь узкой полоской света из приоткрытой двери. Воздух был спёртым, густым. Запах трав, плесени и старости перебивался другим, резким и металлическим — запахом свежей крови.

Луч света упал на центр комнаты и выхватил из мрака фигуру. Она стояла, склонившись над другим телом, распластанным на земле возле большого стола, заваленного связками сушёных растений, кореньями и склянками. Мощные лапы, покрытые грубой шерстью цвета влажной земли, впились когтями в плечи жертвы. Голова пившего была повернута вполоборота, и Габриэль успел заметить вытянутую волчью морду с оскаленными клыками, влажным чёрным носом и жёлтыми, горящими внутренним огнём глазами. Из-под сдвинутого капюшона на мощную шею свисали клочья той же шерсти, сливаясь с гривой. Всё существо дышало звериной силой, скрытой под искажённой получеловеческой формой.

Существо — огромный волк — резко обернулось на свет. Его глаза в полумраке вспыхнули двумя точками света. В них был только всепоглощающий, первобытный голод. На его клыках, тонких и бледных, стекали капли крови.

Время замедлилось. Габриэль увидел, как взгляд твари скользнул с него на меч, на дверь за его спиной. Не было

крика, не было рычания. Было лишь мгновенное, звериное решение. Существо метнулось в сторону, к единственному окну. Его движения были неестественно быстрыми, плавными и бесшумными. На миг оно замерло у окна, обернувшись, чтобы бросить последний взгляд на Габриэля. И в этом взгляде было не просто безумие или голод. Было узнавание. И что-то ещё — холодное, расчётливое обещание. Обещание того, что их пути неизбежно пересекутся снова. Затем тело монстра выпрыгнуло в проём окна и растворилось в зелёном, жутком безмолвии леса, не оставив и следа.

Свет хлынул внутрь, освещая хаос. На полу у стола лежал старик. Он был худым, почти скелетом, одетым в простую, поношенную и рваную одежду. На всём теле были порезы, синяки и укусы. Половина его шеи исчезла в пасти зверя, а из оставшейся сочилась кровь, тёмной лужей растекаясь по земляному полу. Глаза старика, Морока, были широко открыты и затянуты смертной пеленой, уставлены в пустоту потолка.

Рядом, на краю стола, среди разбросанных в панике трав и опрокинутых склянок, лежал лист грубой, толстой бумаги. На ней углём была начертана схема — извилистая линия, обозначающая тропу, несколько условных значков деревьев и, в самом конце, овал с волнистой линией внутри — озеро. Оно было помечено странным знаком, похожим на закрытый, вертикальный глаз. И прямо у этой отметки был нарисован крохотный, схематичный цветок.

Надежда на проводника, на подсказки, на лёгкий путь умерла вместе со стариком. Теперь у Габриэля была только эта карта, всепоглощающее чувство, что за каждым деревом теперь следят алые глаза, и девочка-полуволицца на пороге. Сильвира стояла, вцепившись в косяк двери, её нос был сморщен, а взгляд был прикован к телу на полу. Путь к Лунному Слёзнику только что стал не просто трудным. Он стал тропой, на которую ступил ещё один, куда более страшный и голодный охотник. И этот охотник теперь знал, что Габриэль идёт.

— Он... ушёл? — голос Сильвиры прозвучал из дверного проёма.

Габриэль обернулся. Девочка не вошла внутрь. Она стояла на пороге, её волчьи уши прижаты к голове, а нос всё ещё морщился от запаха.

— Ушёл, — подтвердил Габриэль. — Но недалеко.

— Кто это был?

— Волколак, — сказал охотник и, видя непонимание спутницы, продолжил. — Это человек, который из-за проклятия, колдовства или укуса другого волколака может превращаться в волка. Может передвигаться на двух или четырёх конечностях. Он быстрее, сильнее и умнее обычного волка. Когда человек превращается в волка, его чувства и инстинкты усиливаются, а разум отходит на второй план. Дело плохо...

Габриэль аккуратно свернул лист с нарисованной тропой

и сунул его за пазуху. Перед тем как выйти, он на мгновение задержался у тела старика, не зная никаких молитв, кроме заученных в Дисциплиусе — а те казались сейчас неуместными. Молитва Аэрона требовала алтаря и свечей. Молитва Таррена — павшего воина. Здесь был просто старик с картой, умерший в одиночестве в лесу. Габриэль положил на его грудь монету — единственное, что он помнил про Лорну. Что она берёт плату. Лучше заплатить за чужого, чем оставить его должником.

— Твоя карта поможет спасти другую жизнь. Спасибо.

Он вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Сильвира ждала его снаружи. Она уже отступила от хижины на несколько шагов, стоя под сенью огромной ели.

— Мы идём к озеру?

— Да, — ответил Габриэль, проверяя крепление меча на поясе. — Но теперь мы знаем, что не одни в этом лесу. Идти нужно быстро и тихо.

— Я могу вести. Я слышу дальше и чувствую запахи. Я узнаю его запах, если он будет близко. Он пахнет... старой кровью и холодной землей.

Габриэль снова посмотрел на неё. Эта девочка, купленная за серебро, оказалась ценнее любого проводника. Он кивнул.

— Веди. Но если почувствуешь опасность — любую, не только от него — сразу дай знать.

Они двинулись в путь, и теперь лес воспринимался иначе. Каждый шорох, каждый треск ветки заставлял Габриэ-

ля вздрагивать, его рука то и дело тянулась к рукояти меча. Сильвира же шла впереди, вся её сущность была сосредоточена на восприятии. Её уши постоянно двигались, поворачиваясь к малейшему звуку, ноздри слегка раздувались, вбирая потоки информации, не доступной человеку.

Они шли весь оставшийся день. Лес, казалось, не кончался. Карта Морока была схематичной, но Сильвира, казалось, интуитивно чувствовала верное направление. Она вела их не по самой короткой тропе, а по той, что была, по её ощущениям, «чище» — с меньшим количеством следов хищников и тем более того, другого, неживого присутствия.

К вечеру, когда свет окончательно начал таять, превращая зелёный сумрак в синеватую тьму, они вышли на берег небольшого ручья с чистой, ледяной водой.

— Здесь можно остановиться, — тихо сказала Сильвира. — Вода уносит наш запах. И здесь нет его следов.

Габриэль, смертельно уставший, только кивнул. Они развели маленький, почти бездымный костёр из сухого валежника — Сильвира с поразительной лёгкостью нашла сухие ветки даже в сыром лесу. Габриэль разогрел на огне мясо, купленное ещё в Узлах, и поделил его пополам с Сильвирой. Она ела жадно, но аккуратно, следя за тем, чтобы не уронить ни крошки, её глаза в свете огня казались совсем золотыми. Когда они поели, Сильвира устала на огонь.

— Девушка... та, которую ты спасаешь. Она твоя «стая»? — спросила она вдруг.

— Да. — Вопрос застал Габриэля врасплох. — Она... моя стая. И я подвёл её.

— В стае все виноваты за всех. — Сильвира посмотрела на него. — И все защищают всех. Ты идёшь за лекарством. Это правильно. Моя стая тоже заботилась о своих...

Она замолчала, уставившись в огонь, и Габриэль не стал расспрашивать дальше. Боль потери была языком, понятным им обоим без слов.

Ночью он взял первую вахту. Сильвира свернулась калачиком у огня, накрывшись своим рваным плащиком, и почти мгновенно уснула — сон быстрый и чуткий, как у зверя. Габриэль сидел, прислонившись к дереву, меч на коленях. Лес ночью ожил. В листьях зашуршали какие-то мелкие существа, вдали прокричала сова. Но это были обычные, живые звуки. И он не чувствовал того леденящего, неестественного присутствия.

Под утро, когда небо на востоке только начало светлеть, его сменила Сильвира. Она проснулась беззвучно, просто открыла глаза и села.

— Я посмотрю, — сказала она и исчезла в предрассветном тумане так тихо, что Габриэль, несмотря на всю свою выучку, не услышал ни звука.

Она вернулась через полчаса, её мех на ушах был покрыт мельчайшими каплями росы.

— Всё спокойно. Ничего чужого. Но птицы ещё молчат. Они боятся.

Они снова двинулись в путь с первыми лучами. Второй день похода был таким же напряжённым. Местность стала более болотистой, земля — зыбкой под ногами. Воздух наполнился запахом стоячей воды и гниющих растений. И тишина здесь была ещё более абсолютной. Даже Сильвира шла теперь медленнее, с ещё большей осторожностью.

К полудню они вышли на край чащи. Впереди, за последней стеной кривых, чахлых сосен, расстиралось пространство, от которого веяло леденящим покоем.

Озеро Мёртвой воды

Окрестности деревни Узлы, XII Век, 51 год.

Оно лежало в огромной, плоской чаше, окружённое тростником и чёрными, скрюченными деревьями. Вода в нём была тёмной, почти чёрной, и абсолютно неподвижной, как расплавленное стекло. Ни ряби, ни всплеска рыбы. Над поверхностью стлался лёгкий, молочно-белый туман, холодный и влажный на ощупь. Солнце, светившее с безоблачного неба, не отражалось в этой воде — оно будто проваливалось в её бездонную темноту. Тишина здесь была не просто отсутствием звука.

Сильвира съёжилась, её уши прижались к голове, а хвост поджался между ног.

— Плохое место, — прошептала она, и её голос был полон первобытного страха. — Здесь нет жизни.

— «Лунный Слёзник» покажется только ночью, когда луна отразится в воде, — тихо сказал он, больше для себя, чем

для Сильвиры. — Нам нужно найти место, где ждать. И спрятаться.

Они обошли озеро по краю, держась в тени кривых деревьев. Подходящего укрытия не было. В конце концов они выбрали место в зарослях густого, колючего кустарника в двадцати шагах от воды, откуда был виден хороший участок берега. Здесь они и затаились.

Ожидание стало самым тяжёлым испытанием. Часы тянулись мучительно медленно. Холодный туман с озера проникал под одежду. Сильвира сидела, свернувшись, её дыхание было едва слышным. Габриэль не сводил глаз с чёрной глади воды, его пальцы время от времени сжимали рукоять меча. Когда солнце наконец скрылось за лесом, на смену ему пришла ночь — тёмная, беззвёздная. И тогда, сквозь редкие разрывы в облаках, показалась луна. Не полная, но почти. Её холодный, серебристый свет упал на озеро, к воде начали слетаться светлячки, которые плясали у самой её глади.

Сначала ничего не происходило. Лунная дорожка легла на воду, но та оставалась чёрной и мёртвой. Габриэль уже начал бояться, что всё это лишь сказка. Но потом, через час мучительного ожидания, ветер — первый за весь день — колыхнул туман над центром озера. На секунду поверхность воды в самом центре озера стала идеально гладкой, превратившись в чёрное зеркало. В этом зеркале отразилась луна — чёткая, яркая, большая. На глазах путников из луны появился островок света. Слабый, холодный, голубовато-серебри-

стый островок. Он был не больше блюдца, но в абсолютной тьме озера он горел как маяк.

Габриэль замер. Сердце заколотилось в груди. Он был так близко. Но между ним и цветком лежало двадцать шагов открытого, ничем не защищённого берега, и вода, дна под которой не было видно. И где-то недалеко, он знал, скитался другой охотник. Охотник, которому не нужен был цветок, но который, возможно, очень хотел помешать тому, кто за ним пришёл.

Раздумья о том, как пересечь открытое пространство, были прерваны Сильвирой. Она потянула Габриэля за рукав и указала взглядом в сторону от цветка. В темноте её глаза светились янтарным блеском. На гладкой, чёрной поверхности, в стороне от лунной дорожки, появилась рябь. Но не от ветра. Она исходила из одной точки, расходясь ровными кругами. Из центра этих кругов медленно поднялась фигура.

Сначала показались длинные, струящиеся пряди волос цвета влажного ночного неба, сливающиеся с водой. Затем — бледные, почти светящиеся плечи, тонкая шея, прекрасное лицо. Она была юной, хрупкой, невероятно красивой. Её глаза, огромные и тёмные, как глубина самого озера. Она вышла на берег, и вода стекала с её простого, серого платья, не оставляя на ткани ни капли влаги.

Габриэль почувствовал, как ледяной холодок пробежал по спине. Это было нечеловеческое совершенство, и оно пугало больше, чем любое уродство.

Дева озера повернула голову в их сторону. Казалось, она смотрела прямо на их укрытие, сквозь ветви кустарника.

— Выходи, путник, — её голос был похож на шелест травы. — Я знаю, зачем ты пришёл. И знаю, что с тобой пришло другое. Тёмное. Голодное.

Габриэль после секундного колебания поднялся и вышел на открытое место, оставив Сильвиру в укрытии. Его рука не отпускала рукоять меча.

— Я пришёл за Лунным Слёзником, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Цветок здесь. Его сила может быть твоей. Но не сейчас. Пока по этому лесу шастает тот зверь, что носит шкуру волка и облик человека, я не могу допустить тебя к берегу. Его дикость оскверняет покой этого места. Его дух пугает сон корней. Он — рана на теле леса, и пока она не заживёт, цветок будет лишь призраком в лунном свете.

— Он уже был здесь?

— Он рыскает по опушкам, — ответила дева. — Чует добычу. Чует... тебя. И ту, что с тобой. Он...

Она не закончила. Из чащи кривых деревьев прямо за ней, с низким, грудным рычанием, метнулась массивная, покрытая бурой шерстью фигура. Его движение было стремительным и мощным. Когтистые лапы впились в плечи девы озера. Раздался её пронзительный, нечеловеческий крик. Оборотень раскрыл пасть и вонзил клыки ей в шею. Послышался звук рвущейся плоти, но вместо крови брызнула струя че-

го-то тёмного и сияющего, как жидкий обсидиан. Дева вырвалась с силой, которую невозможно было предположить в её хрупком теле. Она отшвырнула оборотня, и тот отлетел, тяжело рухнув на землю. На её плече зияла рваная рана, из которой сочились то же тёмное сияние. Прежде чем зверь или Габриэль успели что-либо предпринять, она шагнула назад, в чёрные воды озера, и исчезла, как будто её и не было.

Оборотень с рычанием поднялся на четвереньки. Он не смотрел на охотника. Его горящие жёлтые глаза были прикованы к уходящей женской фигуре.

— Так ты тоже пришёл к её столу, глупец? — его голос был низким, хриплым, слова давались с трудом, проходя сквозь звериную глотку. — За красивой сказкой? За обещанием чуда?

— Сильвира, не выходи! — крикнул охотник, отступая и занимая боевую стойку. Меч дрожал в его руке.

— Я не твой враг, мальчик, — оборотень не нападал. Он тяжело дышал, и в его жёлтых глазах мелькнуло что-то человеческое. — Я был таким, как ты. Пришёл за цветком. Для той, кого любил.

— Что ты знаешь? — Габриэль не опустил меч, но и не атаковал.

— Очень давно... Меня звали Гельдер, я был охотником из Никсдурра, повёз жену к южным лекарям. Её жгла хворь, никто не мог помочь. И я услышал о врачевательнице, что живёт рядом с озером цветке. — Он сел на землю, его мощ-

ные плечи поникли. — Она сказала: «Я вылечу твою жену, она и забудет, что вообще была когда-то больна. А ты посторожишь мои цветочки, пока они растут в земле». Несколько дней я стоял и охранял их. Она вылечила жену. В тот же миг, когда та открыла глаза и увидела меня, то испугалась. Она забыла меня и многие годы, которые была больна. Я хотел уйти с ней, но обманщица напомнила уговор. Я попытался уйти и превратился в это. А последний из цветов не завял даже спустя двадцать лет... Я помню только её лицо. Имя — забыл. Где мы жили — забыл. Как её звали — не помню. Но каждую ночь я вижу её глаза, полные ужаса, когда она смотрела на меня — на чудовище, которое привело её к этой ведьме. Она ушла. Вышла замуж за другого. А я здесь.

Он посмотрел прямо в глаза Габриэлю.

— Я чую это в тебе, мальчик. Тот же запах, что и у неё. Она захочет сделать тебя своим. Новым псом. Или... — он сделал паузу, — хуже. Наследником.

— Что ты несёшь? — Габриэль сжал рукоять.

— Ты не знаешь? — Оборотень оскалился. — Этот цветок... он не просто лечит. Он впитывает в себя боль, страх, память. Всё, что ты отдашь. А ведьма... она питается этим. Чем больше она поглощает, тем дольше живёт. Но ей нужен тот, кто будет собирать урожай. Тот, кто будет приводить к ней новых жертв. Так что подумай, так ли нужен тебе этот цветок, ведь она скорее убьёт тебя, чем позволит забрать его...

— Мне этот цветок нужен не меньше, чем ей. Я не могу вернуться без него.

— Хочешь впечатлить какую-то девушку? Не глупи, уходи, нарви ей ромашек с поля и живи счастливо.

— Она... Болеет. Цветок может помочь ей.

— Тогда помоги мне убить каргу. — Оборотень встал, его когти впились в землю. — А потом спокойно забереешь цветок.

— Почему ты убил Морока?

— Я не хотел. — Голос оборотня дрогнул. — Мне нужен был проводник. Он знал тропу через болота, но отказался. Сказал, что не пустит ещё одну душу на заклятие. Я... зверь во мне проснулся. Я не сдержался. — Он опустил голову.

Габриэль колебался. Перед глазами стояло тело старика, его разорванное горло. Но в жёлтых глазах оборотня не было лжи — только боль и надежда, такая же отчаянная, как его собственная.

— Что нужно делать? — спросил он.

Но ответить Гельдер не успел. Чёрная гладь озера взбурлила, и из воды поднялась фигура.

Теперь это была не юная дева. Дряхлая, сгорбленная, с лицом, покрытым морщинами, как корой старого дерева, и глазами — двумя бездонными чёрными колодцами. Её плечо всё ещё кровоточило тёмным сиянием, но она не обращала на это внимания. Она смотрела на Габриэля.

— Ну что, мальчик, — её голос был скрипучим, как ветер

в сухих тростниках, но в нём слышалась странная ласковая нотка. — Наслушался сказок старого пса?

Она шагнула на берег, и под её босыми ногами трава увядала, превращаясь в чёрную труху.

— Гельдер, ты всё врёшь. Я не ищу преемника. Я ищу... друга. — Она усмехнулась беззубым ртом. — Вечность — это скучно, мальчик. Хочется с кем-то поговорить. А он, — она кивнула на оборотня, — он только рычать умеет.

— Не слушай её, — прорычал Гельдер.

— А что я такого говорю? — Ведьма развела руками. — Я предлагаю тебе спасение. Твоя слепая девочка снова увидит свет. Твоя волчица получит стаю — здесь, под моей защитой, никто её не тронет. Ты сам станешь сильным. Очень сильным. Сильнее, чем любой охотник.

Она сделала шаг ближе, и Габриэль почувствовал, как гул в висках усилился, превращаясь в почти физическую боль.

— Всё, что от тебя требуется, — продолжила она, — остаться здесь. Навсегда. Стать моими глазами и руками. Приводить ко мне тех, кто потерян. Тех, кому некуда идти. Я не буду тебя мучить, как этого пса. Ты будешь... свободнее.

— Она лжёт! — зарычал Гельдер, бросаясь вперёд. — Как только ты согласишься, она выпьет твою душу!

Но ведьма даже не взглянула на него. Короткий взмах рукой — и чёрные щупальца теней вырвались из-под земли, схватили оборотня за лапы и швырнули в сторону. Он с глухим стуком ударился о дерево и затих.

— Грубиян, — пробормотала ведьма. — Никакого воспитания.

Она снова повернулась к Габриэлю.

— Ну? Что скажешь?

Габриэль смотрел на неё. На цветок, сияющий за её спиной. На Сильвиру, замершую в кустах. И чувствовал, как внутри него что-то шевелится — тёмное, голодное, согласно кивающее каждому её слову.

— Нет, — сказал он вслух. Гул в висках взорвался болью, и он чуть не упал на колени. — Я не твой пёс.

— Жаль. Тогда сгинь.

Тени ударили со всех сторон острыми, как лезвия, когтями из чистого мрака. Габриэль едва успел выставить щит. Полупрозрачная, мерцающая сфера вспыхнула вокруг него, и первые удары отскочили с мерзким шипением. Но сфера трещала. Каждый новый удар оставлял на ней паутину трещин. Ведьма, ухмыляясь, шагнула ближе. Её беззубый рот растянулся в довольной улыбке.

— Слабый свет, — прошипела ведьма.

Она подняла обе руки, и из земли вокруг Габриэля вырвались новые тени — тонкие, как иглы, шипы. Они ударили в сферу со всех сторон одновременно. Щит разлетелся на сотни светящихся осколков, и Габриэль отлетел на несколько шагов. Ведьма шагнула к нему, намереваясь добить.

Оборотень метался зигзагом, уходя от встречных теней. Его когти рвали воздух, и он, пригнувшись, проскользнул

под рукой Ведьмы и вцепился ей в лодыжку. Она взвизгнула от неожиданности, пошатнулась, и её концентрация нарушилась. Тени на миг замерли.

— Поднимайся! — зарычал Гельдер. — Я не удержу её долго!

Габриэль, стиснув зубы, вскочил. Он потянулся к мечу, но понял, что не успеет — ведьма уже заносила руку для заклинания. Тогда он выбросил вперёд не чистую вспышку — ослепляющий сгусток света, прямо в лицо карге. Она зажмурилась, заслоняясь руками, и её заклинание ушло в сторону, ударив в дерево, которое разлетелось в щепки.

— Ах ты, щенок! — выпалила она, вытирая слезящиеся глаза. — Ослепить старуху? Не стыдно?

Он не стал ждать. Он рванул вперёд, заходя сбоку, пока Гельдер отвлекал её спереди. Оборотень понимал его без слов — они вдвоём кружили вокруг ведьмы, как два волка вокруг старой, но всё ещё опасной медведицы. Ведьма, однако, не была простой добычей. Она хлопнула в ладоши, и из земли вырвались десятки тонких корней — чёрных, склизких, с острыми шипами. Они хлестнули по Гельдеру, обвиняя его лапы и опрокидывая на землю. Оборотень зарычал, пытаясь разорвать их, но корни только сжимались крепче.

— Глупый пёс, я же говорила — навсегда. Неужели думал, что сможешь укусить хозяйку? — усмехнулась Ведьма, поворачиваясь к охотнику. — А теперь ты.

Габриэль чувствовал, как силы покидают его, меч казался

тяжёлым, как бревно. Он обернул лезвие остатками света и клинок засиял. Ведьма нахмурилась, впервые за всё время почувствовав нечто похожее на тревогу.

— Это не спасёт тебя, — сказала она, но в её голосе уже не было прежней уверенности.

Она ударила сплошной волной тьмы, идущей от неё во все стороны. Габриэль прыгнул прямо в волну, создав непрочный щит, сломавшийся через несколько секунд. Тьма хлестнула его по лицу, по рукам, но свет на мече держался, прорезая путь во мраке.

— Сейчас! — крикнул он, и Гельдер, собрав последние силы, рванул корни, удерживавшие его. Они лопнули, и оборотень, шатаясь, вцепился в плечо Ведьмы, не давая ей двинуться.

Габриэль ударил в грудь, туда, где под дряблой кожей ещё теплилось чёрное сердце. Меч вошёл с противным хрустом, и свет на лезвии вспыхнул в последний раз, лезвие почернело и распалось пылью, оставив только рукоять, которую охотник тут же выбросил. Ведьма закричала. Нечеловеческим, всепроникающим криком, от которого заложило уши. Её тело начало распадаться, будто песок, сыплющийся сквозь пальцы. Она рухнула на колени, потом навзничь, и чёрный песок, которым она стала, разлетелся по ветру.

Гельдер, обессиленный, рухнул рядом. Его грудь тяжело вздымалась, вся морда была залита чёрной кровью.

— Жив, — прохрипел он. — Мы живы.

— Еле-еле, — Габриэль стоял, тяжело дыша, опираясь на меч. Его руки дрожали. Но цветок по-прежнему сиял в центре озера.

Времени было мало. Охотник подошёл к озеру и сделал первый шаг от берега в чёрную гладь. Дно под ногами было топким, вязким, засасывающим. Второй шаг — вода уже по пояс. Тишина озера, теперь лишённая воли своей хозяйки, казалась ещё более гнетущей, мёртвой. Он не оглядывался на Сильвиру. Всё его существо было приковано к тому единственному островку света в центре всепоглощающей черноты. Третий шаг. Четвёртый. Глубина нарастала стремительно. Вода поднялась до груди, потом до шеи. Дно внезапно ушло из-под ног. Обрыв. Бездна. Парень на миг отчаянно замахал руками, пытаясь удержаться на плаву, но его раненое тело, выжатое до предела, одежда, насквозь мокрая и тяжёлая, не давали шанса. Он вдохнул ледяной воздух, встретился взглядом с испуганными янтарными глазами Сильвиры на берегу — и ушёл под воду.

Тишина. Холод, пронзающий до костей. Тёмно-зелёный мрак, в котором только сверху дрожало бледное пятно лунного света. Давление сжало уши, в груди заныло от нехватки воздуха. Инстинкт выживания был приглушён колоссальной усталостью. Он просто... тонул. И в этой тишине и темноте его разум на миг прояснился. Он увидел не воду, а глаза Элианы. Не слепые и пустые, а те, что были раньше — ясные, насмешливые, полные жизни. Услышал её голос: *«Я на тебя*

рассчитываю». Его ноги, почти не слушавшиеся, судорожно дернулись. Руки, тяжелые как свинец, сделали один мощный, отчаянный гребок вверх.

Он вынырнул с хриплым, захлёбывающимся вдохом, выплюнув чёрную, горькую воду. Лунный свет ударил в глаза, слепя. Он закашлялся, судорожно хватая воздух, отчаянно работая ногами, чтобы остаться на поверхности. Прямо перед ним, в шаге, сиял тот самый островок света. Габриэль из последних сил потянулся, схватился рукой за скопление костей, коряг, травы, слипшихся в плавучий островок.

В центре этого хрупкого островка под лунным светом рос он. Стебелёк, тонкий и прозрачный, будто изо льда. На его конце — единственный бутон, раскрывшийся в идеальную чашечку из лепестков цвета лунного серебра. В самой сердцевине переливалась и пульсировала капля того же холодного сияния. Он был невероятно красив и хрупок.

Габриэль, всё ещё цепляясь одной рукой, другой осторожно, дрожащими от холода пальцами, обхватил стебель у самого основания. Цветок легко отделился от корней с тихим, едва слышным хрустальным звоном. Сияние не погасло, а лишь сконцентрировалось в сорванном растении, став чуть ярче.

Обратный путь казался бесконечным. Каждый взмах онемевших рук, каждый толчок ног давался с нечеловеческим усилием. Он плыл, зажав драгоценный цветок в кулаке, поднят над водой. Всё, что он видел — полоску темного бе-

рега и маленькую, одинокую фигурку, застывшую у кромки.

Наконец, ноги нащупали топкую, но твёрдую почву. Он пополз, потом встал на четвереньки, потом, спотыкаясь, выбрался на сушу и рухнул на сырой мох, давясь кашлем и дрожа всем телом. Из его сжатого кулака, сквозь пальцы, пробивался нежный серебристый свет. Сильвира тут же оказалась рядом. При поддержке девочки, они отошли дальше от берега, к боевому товарищу. Оборотень начал превращался в человека — шерсть опадала, кости хрустели, тело сжималось. Через несколько мгновений на земле лежал уже не монстр, а человек — седой, измождённый, с морщинистым лицом.

— Спасибо, — прошептал Гельдер, глядя в небо. — Наконец... свободен.

— Ты умираешь... — сказал Габриэль, опускаясь рядом с ним на колени.

— Знаю. — Гельдер слабо улыбнулся. — Я давно ждал этого. Скажи... цветок... он цел?

— Да.

— Тогда... не зря, — человек закрыл глаза, и его грудь перестала подниматься.

Сильвира подошла и осторожно коснулась его лица, потом прижалась к Габриэлю.

— Он... он был плохим? — тихо спросила она.

— Нет, — ответил Габриэль, глядя на мёртвого. — Он был тем, кто выбрал любовь, но заплатил за неё слишком дорогую цену.

Они захоронили его недалеко от озера, под пышным дубом. Первая часть пути была пройдена и они, пока были силы, двинулись обратно, но через десяток минут ходьбы охотник свалился на землю.

Дорога домой

Озеро, на следующее утро

Он проснулся ранним утром, когда луч, прорываясь сквозь пышную листву деревьев, ударил ему в лицо. Рядом потрескивал костёр и сидела перепуганная полуволица.

— Спасибо, — хрипло сказал Габриэль, пытаясь приподняться на локте.

— Дурак ты, — дуясь сказала Сильвира, прижимая ушки. — А если б утонул. Я ведь даже не знаю, кому ты цветок этот нести собрался и куда... И что мне тогда делать? Опять одной?

Она замолчала и ткнула его в плечо кулачком. Потом отвернулась, делая вид, что смотрит на костёр.

Габриэль сел, преодолевая головокружение. Он разжал кулак. Лунный Слёзник лежал на его ладони, завернутый в большой, слегка подвявший лист лопуха, который, видимо, нашла Сильвира. Сквозь зелёный лист пробивался мягкий серебристый свет. Цветок был цел.

— Я несу его туда, откуда пришёл, — сказал он тихо. — В Дисцилюс. Дом Света. Там... ждёт девушка. Она ослепла, защищая меня в бою. Этот цветок — шанс вернуть ей зрение.

Сильвира внимательно посмотрела на свёрток, потом на его лицо.

— А там, в этом... Доме Света... они помогут? Отнесутся к тебе как к герою?

Вопрос застал Габриэля врасплох. Герой? Он ослушался, сбежал ночью. Формально он — нарушитель, беглец, вор. Даже если цветок исцелит Элиану, его поступок останется преступлением против устава.

Он долго молчал, глядя на серебристый свет, сочащийся сквозь лист. Потом медленно покачал головой.

— Не знаю, Сильвира. Я нарушил прямой приказ епископа. Мне запретили идти, сказали ждать. А я... я сбежал. У них есть правила, и за их нарушение наказывают. Могут заточить в подземелье... или хуже. Но это единственный шанс для Элианы. — Он сжал цветок в ладони, словно ища в нём опору. — И я не мог остаться. Пусть меня судят, пусть накажут — главное, чтобы она снова увидела свет. А там... будь что будет.

Сильвира слушала, её уши то прижимались к голове, то настороженно поднимались.

— Значит, ты идёшь под суд?

— Выходит, так, — усмехнулся Габриэль. — Но без этого я бы себя уважать перестал.

Девочка долго молчала, глядя на огонь. Потом кивнула, приняв решение.

— Тогда я пойду с тобой. До ворот. А там... посмотрим.

— Сильвира, это опасно.

— Здесь тоже опасно, — перебила она. — Здесь я одна. Ты сказал, я свободна. Я выбираю идти с тобой. Хоть до ворот. А если у твоих ворот начнут кричать или бросать камни — я уйду.

— Там строгий порядок, а чужаков, особенно... таких, как ты, там не очень любят. К тому же у меня есть незаконченные дела. Но на полпути к обители есть таверна. Её хозяин хороший человек. Он не обидит. Переждешь там, пока всё не уляжется, а потом я навещу тебя. Быть может, и забегу к нам.

— Хорошо... Только обязательно возвращайся.

— Обещаю...

Они позавтракали остатками еды. Перед уходом он взглянул на озеро. Спокойное, чёрное, без малейшей ряби. Ничто не напоминало о вчерашней битве. Лишь обломок его меча навсегда остался на дне, застряв в ране исчезнувшей хозяйки этих вод. Шли молча, с взаимным пониманием двух существ, нашедших друг в друге опору. Габриэль нёс в руке свёрток с холодным, живым светом. А рядом шагал маленький полуволок, решивший, что её свобода — это право идти рядом с тем, кто впервые за долгое время увидел в ней не тварь, а личность.

Лес постепенно редел, уступая место заброшенной просеке, а затем и накатанной колее старого тракта. Чем ближе сквозь ветви проступал силуэт таверны с покосившейся

вывеской, тем сильнее девочка замедляла шаг. Её пушистые волчьи ушки испуганно прижались к голове, скрывшись в спутанных волосах, а хвост судорожно поджался. Габриэль остановился и мягко сжал её холодные, дрожащие пальцы.

— Мы пришли, Сильвира. Посмотри на меня, — он дождался, пока янтарные глаза девочки встретятся с его взглядом. — Внутри люди, да. Но хозяин этого места, Бруно, не такой, как твой прежний хозяин. Он ворчит, любит порядок, но в нём нет жестокости. Ты побудешь здесь, пока я не разберусь с делами в обители.

Девочка сглотнула и едва заметно кивнула, хотя её костяшки пальцев, вцепившихся в его рукав, побелели от напряжения. Габриэль накинул на неё капюшон и решительно шагнул к крыльцу и толкнул тяжелую дубовую дверь. В лицо сразу ударила волна тепла старого домашнего очага. В этот послеполуденный час постояльцев почти не было — лишь пара местных лесорубов тихо переговаривались в углу над глиняными кружками. За массивной дубовой стойкой стоял сам Бруно, лениво протиравший холщовой тряпкой чистые бокалы.

— Разрази меня гром... Охотничек? — трактирщик навалился тяжелыми предплечьями на стойку, всматриваясь в уставшее, осунувшееся лицо юноши. — Живой. А мне тут купцы сказки сказывали, будто весь ваш отряд в лесах полег.

— Почти весь, Бруно, — глухо отозвался Габриэль, проходя в глубь зала. Каждое движение давалось ему с трудом,

раны под одеждой всё ещё ныли. — Двое погибли, одна ранена.

Трактирщик на мгновение закрыл глаза, его челюсти сжались. Он тяжело, по-медвежьи вздохнул и швырнул тряпку на стойку. — Эх, мать её перемать... Упокой Свет их души, — его цепкий, привыкший подмечать детали взгляд скользнул ему за спину.

Сильвира осторожно высунулась из-за плеча охотника. Трактирщик нахмурился, уставившись на уши, торчащие из-под ткани.

— Это ещё что за диковина? — Бруно прищурился. — Охотник, ты притащил в мою таверну полукровку? Ты же знаешь законы этих земель. Если церковники прознают...

— Церковники не прознают, если мы сами им не скажем, — перебил его Габриэль, подойдя вплотную к стойке и понизив голос. Он аккуратно опустил на дерево свой загадочный сверток, из складок которого едва заметно струился мягкий серебряный свет. — Ей некуда идти, Бруно. В Дисцилюс мне её брать нельзя, там её сейчас не примут. Мне нужно вернуться в обитель, уладить дела. Это займет время. Пусть она побудет у тебя.

— У меня? — Бруно сердито хохотнул, всплеснув руками. — Это таверна, а не приют для лесных сирот! Тут пьяные трактовые рабочие, солдаты, наемники. Да они из неё чучело сделают ради забавы!

— Она не будет обузой, — твердо сказал Габриэль, загля-

дывая Бруно прямо в глаза. — Сильвира выросла в лесах. Она знает каждую травинку, умеет готовить целебные отвары, мази. Она может помогать на кухне, мыть посуду, прибирать комнаты. Ты сам жаловался, что у тебя рук не хватает. К тому же, она тихая, на глаза постояльцам не покажется.

Бруно перевел взгляд с Габриэля на девочку. Старый трактирщик долго молчал.

— Что ж ладно... Это, как говорится, можно. Рук и правда не хватает, — наконец буркнул Бруно, потирая переносицу. — Пусть идет на кухню к Марте. Чистить котлы и перебирать овощи. Марта баба строгая, но справедливая, в обиду её не даст.

— Спасибо, — с облегчением выдохнул Габриэль. — Спасибо тебе, Бруно. Я твой должник.

Он повернулся к девочке, присел перед ней на одно колено и тепло улыбнулся. — Всё хорошо, Сильвира. Оставайся с Бруно и Мартой. Слушайся их и не бойся. Я вернусь за тобой, как только смогу. Обязательно вернусь.

Девочка посмотрела на него, её ушки немного расслабились. Она медленно отпустила его плащ и сделала несмелый шаг в сторону кухни, откуда доносился спасительный запах свежего хлеба.

— Ты обещал, — девочка посмотрела с детской наивной надеждой.

— И я вернусь.

Прошное возвращается

Дорога к Дисциплиусу на последнем отрезке была самой трудной.

Ворота со скрипом приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить фигуру. Во внутреннем дворе их уже ждал брат Симеон. Он стоял неподвижно, как и всегда, но в его глазах, когда они упали на Габриэля, мелькнула быстрая, словно спрятанная вспышка — что-то очень похожее на облегчение.

— Габриэль. Жив. Слава Свету, — его голос был низким и ровным. — Ты пропустил похороны Боргара и Рована.

Симеон нахмурился, его взгляд переместился с Габриэля на его зажатый в другой руке свёрток, из-под которого пробивался слабый, но упрямый серебристый свет.

— Ты нашёл его? — спросил он, кивнув на свёрток.

— Да. Он здесь.

На лице старика что-то дрогнуло. Суровость на миг сменилась чем-то вроде уважения.

— Значит у неё есть шанс. — Он снова посмотрел на Сильвиру, затем тяжело вздохнул.

— Иди. Епископ Иларий ждёт.

— Ждёт меня?

— Он скоро придёт, — подтвердил Симеон. Его взгляд снова стал непроницаемым. — Иди. В башню.

Габриэль кивнул и, под карканье вороны, пролетавшей над площадью, направился к самой старой части монастыря, к высокой башне над архивом. Он поднялся по скрипучей винтовой лестнице и, не найдя в себе сил постучать, осто-

рожно толкнул тяжёлое дубовое полотно. Дверь в кабинет была приоткрыта, и он вошёл. В комнате никого не было. В этот момент его взгляд упал на развёрнутый на столе лист. Сверху стояла печать Дисцилюса. Строгим, официальным почерком было выведено: «Доклад о происшествии на караванном тракте у Ржавого Леса для представителя Башни Магов, госпожи Лираэль». Глаза сами начали бегать по строкам:

«...катастрофа была спровоцирована неконтролируемой вспышкой тёмной эманации у одного из воспитанников, Габриэля. Его нестабильный дар, о котором не было известно, пробудил аномалии, перевозимые в контейнерах. В результате воздействия его энергии пойманные тени выбрались из ловушки и приобрели очертания волков, воспитанники Боргар и Рован получили несовместимые с жизнью раны, а воспитанница Элиана попала в лазарет, где и скончалась через неделю...».

За спиной скрипнула дверь. Габриэль резко обернулся, отбросив лист как ошпаренный. На пороге стоял Иларий. Его глаза медленно скользнули от Габриэля к бумаге на столе, а затем к хрустальному шару. Внутри шара свет по-прежнему жался к дальней стенке, оставляя сторону, обращённую к Габриэлю, мертвенно-прозрачной.

— Я вижу, ты уже ознакомился с официальной версией, — тихо произнёс старик, закрывая дверь и неторопливо направляясь к своему креслу. — Это упрощает разговор о тебе и Элиане. Девочка так мучается от потери зрения, но брат

Гаюс пытается облегчить её страдания.

— Это ложь, — хрипло сказал Габриэль, чувствуя облегчение, что Элиана жива. — Я не...

— Ты не что? Не виноват? — Иларий сел, сложив руки на столе. Его голос был спокоен, почти устал. — Видишь шар, Габриэль? Интересный артефакт, не правда ли? Его называют «Лживым солнцем». Это детектор. Он реагирует на чистый свет души... и на его отсутствие. Посмотри, как он от тебя бежит. Как от прокажённого.

Габриэль снова посмотрел на шар. Сияние действительно съёжилось, будто пытаясь стать как можно меньше. Он почувствовал тошнотворную пустоту в груди.

— Но магия света не вредит мне! Я могу её создавать и пользоваться ею! Тени так не умеют! — в его голосе прозвучала отчаянная мольба, попытка ухватиться за разрушающуюся реальность.

— Исключение из правил. Не более. Ты мог имитировать свет, но не рождать его. Твоя природа иная. — Иларий откинулся на спинку кресла. — Дисциплиос — кузница воинов. Мы берём сирот и делаем из них щит для человечества. Но иногда... иногда к нам попадают другие отбросы. Дети, в чьих жилах течёт не кровь, а эхо первозданного мрака. Осколки. Церковная легенда гласит, что они — избранные, будущие победители Тьмы. Красивая сказка для утешения толпы.

Он встал и подошёл к окну, спиной к Габриэлю.

— В юности, будучи простым послушником, я стал свиде-

телем пробуждения такого «дара». Мальчик, с которым мы делили хлеб... Рядом с ним из мрака вышли тени — похожие на людей, вывернутых наизнанку, с клинками вместо рук. Они вырезали целую деревню. Стариков, детей... Ничего не осталось. А я ничего не мог сделать. Позже я изучал хроники. Девочка, призвавшая тени, которые задушили её семью. Юноша, чья аура вызывала безумие у всех вокруг. Вы не оружие против Тьмы. Вы — её самые опасные проявления. Вы — грех этого мира, порождённый древним вмешательством, которое люди называют «падением Камня». И этот грех имеет свойство... прорасти в самых неожиданных душах. Ты помнишь ту ночь, когда тебя привезли?

Габриэль молчал. Лишь смутные обрывки: стук копыт, холод, тёплый свет, женщину, и... Лицо, расплывчатое в памяти и почти полностью скрытое медными прядями.

— Я был тогда братом-хранителем, как Симеон, — продолжил Иларий. — Мне выпала ночная вахта. И я видел, как епископ Ранвальд взял тебя из рук твоей матери. Видел, как он смотрел на тебя. В его глазах было... Понимание. Он знал. И я тоже понял, что ты не обычный бастард, которого привезла богатенькая госпожа. Мне жаль, что не смог убить тебя ещё в младенчестве... И не смог убить сейчас. Я повредил контейнеры в надежде, что тени тебя разорвут, думал, что тебя сгубит лес, поглотит озеро, я даже дал тебе проклятый кулон...

Иларий обернулся. Его лицо было освещено косым лучом

заката, и на нём не было ни фанатизма, ни ненависти. Только уверенность врачевателя, который знает, что для спасения тела нужно отрезать гниющую конечность.

— Дар — это не благословение. Это проклятие. Зёрна хаоса, посеянные в мир падением Камня. Они несут только смерть и разложение. Ранвальд и те, кто был до него, верили, что этих детей можно воспитать, обуздать, направить их силу против самой Тьмы. Они ошибались. Их мягкосердечие стоило жизней невинных.

— И что же вы делали? — прошептал Габриэль, уже догадываясь.

— Я делал то, что должны были сделать все епископы Дисцилюса, — голос стал твёрдым, как гранит. — Я защищал мир. «Несчастные случаи» на тренировках или «внезапные болезни» в храме — обычное явление. А на их место в списки вписывали обычных сирот, чтобы чиновники не задавали лишних вопросов. Они верят, что мы готовим для них воинов света. Маги тоже выигрывают, они получают столь редкие тела осколков для опытов и благодарят нас за сотрудничество. Но дар есть. Он в тебе. «Лживое солнце» не обманывает. Ты — осколок. И твоя сила уже проявилась. На дороге. И сейчас, в этой комнате. Ты — ходячая аномалия, Габриэль. И, как и всякую аномалию, тебя необходимо нейтрализовать.

— Элиана... — с трудом выдавил из себя Габриэль, чувствуя, как мир рушится. — Она ни при чём. Отпустите её.

Илари́й взглянул на донесение на столе, и в уголке его рта дрогнула тень чего-то, что могло быть сожалением.

— Она свидетель. И, к сожалению, её состояние... недостаточно наглядно демонстрирует опасность контакта с такими, как ты. В официальной версии её смерть — результат твоего неконтролируемого выброса энергии. Миру не нужны полуправды, Габриэль. Ему нужна простая история: герой-охотник, павший от рук чудовища. Или, в твоём случае, чудовище, которое было остановлено. Так в летописях останется чистая, понятная жертва.

И в этот момент Илари́й двинулся. Габриэль, закалённый в сотнях спаррингов, даже не успел среагировать. Железная хватка вцепилась в его куртку. Он почувствовал нечеловеческую силу, которой не мог противостоять. Епископ протолкнул ученика несколько шагов в сторону окна, находившегося сзади. Стекло разлетелось с оглушительным звоном. Габриэль ударился спиной о каменную раму, боль пронзила рёбра, осколки впились в руки. Чистым усилием воли он успел опереться на подоконник, не вывалившись в двухэтажную пустоту.

— Жалко, — прозвучало прямо над ухом. Не дав Габриэлю опомниться, Илари́й отдёргнул его обратно и со всей силой бросил через кабинет.

Он влетел в массивный дубовый стол. Дерево затрещало. Габриэль откатился на пол, оглушённый, с тёмными кругами перед глазами. Он попытался встать, мир плыл и качался.

Сзади него, переступая обломки, стоял Иларий. В его руке теперь был длинный, узкий меч, который секунду назад висел на стене как украшение. Лезвие, поймав скудный свет, блеснуло холодной сталью. Он занёс меч для мощного вертикального удара — удара, способного разрубить лежащего пополам от плеча до пояса.

Инстинкт, вбитый годами муштры, сработал быстрее мысли. У Габриэля не было времени встать, не было пространства для уклонения. Он, всё ещё стоя на четвереньках, врезал ногой по боковой части колена Илария со всей силы. Раздался глухой, неприятный хруст, связки и сухожилия болезненно отозвались на грязный удар. Иларий, непоколебимый до этого, на миг дрогнул. Тело инстинктивно развернулось, защищая повреждённую ногу, а меч опустился на долю секунды, которой хватило, чтобы выбить оружие из рук. Бывший воин света поднялся, ударил наотмашь и через несколько шагов нырнул в разбитое окно, которое теперь казалось меньшим злом.

Падение было коротким и неконтролируемым. Не успев пролететь и метра, он врезался во что-то гибкое и прочное — в древко большого знамени ордена, торчащее из стены рядом с окном. Полотно с грохотом сорвалось, а древко, с треском вырванное из креплений, потащилось вниз вместе с ним. Оно не спасло от падения, но сбilo скорость и изменило траекторию. Тело тяжело рухнуло на плоскую, покатую крышу низкой пристройки. Удар вышиб из него остатки воз-

духа. Он лежал на спине, глотая рваными глотками холодный воздух. Всё тело горело от боли, в ушах звенело, а в разбитые ладони и спину впивались острые камешки кровли. Но он был жив. И на свободе. Пусть и на крошечном клочке свободы между вторым этажом и падением вниз.

Габриэль перекатился на бок, с трудом поднялся на колени. Боль пронизывала каждое движение. Он огляделся. Крыша, черепица, узкий желоб. Внизу — внутренний двор монастыря, уже полный вечерних теней. Выше можно было подняться по каменным карнизам, цепляясь за выступы и слуховые окна. Пути вниз были. Но и пути для погони — тоже.

Каждый вдох отзывался тупым ударом в ребрах, а ладони, впившиеся в шершавую черепицу, горели от порезов. Но адреналин и всепоглощающая мысль — Элиана — заставляли тело подчиняться.

Габриэль отполз от края крыши, в тень, где его не было видно из окна кабинета и сорвал с себя кулон, мгновенно почувствовав небольшое облегчение. Лишь птица задержалась напротив него на несколько мгновений, вглядываясь в его лицо, а затем бесшумно взмыла в ночное небо. Внизу, в сумеречном дворе монастыря, царила привычная тишина, нарушаемая лишь шагами патруля. Звон вечернего колокола уже отгремел, погружая Дисцилюс в состояние бдительного покоя. Идеальная тишина для того, чтобы его объявили в розыск.

Лазарет находился в старом крыле клуатра¹, в одноэтаж-

ной пристройке с собственным внутренним садиком. Чтобы добраться туда, минуя основные проходы, нужно было спуститься по водостоку, пересечь кухонный двор и пролезть через разбитое окно в подсобке травника.

Водосток скрипел под его весом, железные кронштейны угрожающе гнулись.

Когда до земли оставалось полтора метра, он отпустил руки и сгруппировался для падения. Приземление было мягким, но боль в боку вскрикнула новой нотой.

Он замер, прижавшись к холодной стене, вглядываясь в сумрак. Два монаха-послушника с фонарями прошли в двадцати шагах, увлеченные разговором о предстоящем посте.

Габриэль дождался, пока их шаги затихнут, и рванул через открытое пространство, сливаясь с длинными вечерними тенями.

Кухонный двор пах дымом, квашеной капустой и мясным бульоном. Он спрятался за огромной бочкой для дождевой воды, когда дверь распахнулась и вышел повар с ведром помоев. Ещё несколько секунд, и путь был свободен.

Окно в подсобке действительно было разбито — он сам разбил его камешком год назад, чтобы тайком выбираться ночью. Он пролез внутрь, в темноту, пахнущую сушеным чабрецом, ромашкой и плесенью. И вот — тихий коридор лаварета. Из-за двери в конце доносился приглушенный голос брата Гаюса и слабый запах лечебных мазей. Габриэль подкрался и заглянул в щель.

Небольшая комната, освещенная одной свечой. Брат Гаюс, седой и сутулый, стоял у стола, растирал в ступке какие-то травы. На узкой кровати у стены лежала Элиана. Её лицо было бледным, а светлые волосы — растрепаны.

Глаза закрыты. Её руки лежали поверх одеяла, пальцы слегка подрагивали. Беглец толкнул дверь.

Брат Гаюс вздрогнул и обернулся. Увидев Габриэля — окровавленного, в порванной одежде, с безумным блеском в глазах — он отшатнулся, чуть не уронив ступку.

— Габриэль?! Что ты?..

— Молчи, — в его голосе прозвучала такая дикая, отчаянная угроза, что старый лекарь замер, открыв рот. — На объяснения нет времени. Я забираю её.

Он подошёл к кровати. Элиана не реагировала на скрип двери или шаги. Но когда он осторожно коснулся её руки, она вздрогнула всем телом.

— Кто...? — её голос был беззвучным шёпотом, полным паники.

— Это я, Эль, — он сказал как можно мягче, хотя собственный голос срывался. — Мы уходим. Сейчас.

Она медленно повернула голову в сторону его голоса. Её пустой, невидящий взгляд скользнул мимо его лица.

— Габ...? Ты... ты здесь? Я не вижу.

— Я знаю. Но ты слышишь меня. И чувствуешь. Доверься, — он быстро, но бережно снял с неё одеяло. Она была в простой больничной рубашке. Её собственные вещи наверня-

ка лежали где-то тут. Некогда искать.

Клуатр¹ — это внутренний двор монастыря, окружённый крытой галереей. Проще говоря: закрытый дворик с крытой дорожкой по периметру, где монахи гуляли и молились.

Он сдернул с вешалки у двери чей-то старый, толстый плащ и укутал её.

— Подними руки. Держись за мою шею.

Она послушалась, движения её были неуверенными, скованными страхом. Её пальцы вцепились в его куртку. Он поднял её на руки — она была легкой, хрупкой, как птица со сломанным крылом. Её голова упала ему на плечо.

— Не говори, куда мы пошли, — бросил он через плечо окаменевшему Гаюсу.

Габриэль не стал ждать ответа. С Элианой на руках он выскользнул обратно в коридор, к разбитому окну. Выбраться с ношей было вдвое сложнее. Он посадил её на подоконник, вылез сам и затем помог ей спуститься. Подруга спотыкалась о каждую неровность, её слепота делала каждый шаг пыткой.

Но они были на воле. Вернее, в другом, более опасном плену — в стенах монастыря, который теперь стал вражеской крепостью. Но они были вместе. Он чувствовал её дрожь, слышал её прерывистое дыхание у своего уха.

— Куда? — едва слышно прошептала она.

— Прочь, — ответил он, оглядываясь в поисках следующей тени, чтобы в неё нырнуть. Гул в его висках теперь зву-

чал не как предупреждение, а как биение сердца нового, чудовищного мира, в который он только что шагнул. Но впереди была дорога. И он понесёт её на себе, если потребуется.

Друг мой - тень

Тени стали их единственными союзниками. Пара силуэтов двигались через знакомые с детства закоулки — тыльные проходы, служебные арки, узкие щели между складами. Пахло сыростью, прелым сеном и мышинным помётом. Каждый шорох заставлял ведущего вздрагивать, каждый далёкий шаг отдавался в висках тем самым гулом, который теперь не умолкал, а лишь нарастал, словно далёкий набат беды. Элиана шла, беспомощно цепляясь за его руку. Её пальцы были холодны и дрожали. Она спотыкалась о каждую неровность плит, и каждый раз он ловил её, шепча бессвязные слова утешения, которые уже ничего не утешали.

Они уже прошли половину пути, когда из-за поворота прямо на них вышел монах, простой брат-послушник, несший охапку дров для утренних очагов. Его звали Тобиас. Габриэль знал его — тихий, немногословный парень их возраста, всегда красневший, когда Элиана дразнила его на тренировках. На мгновение оба замерли. Тобиас широко раскрыл глаза, глядя на окровавленного брата, на бледную, слепую сестру в чужом плаще, на дикий, животный ужас в их позах. Его взгляд метнулся к ножнам у пояса Габриэля — они были пусты.

— Стой! — его голос, обычно тихий, прозвучал неожи-

данно громко в каменном переулке.

— Отойди, Тобиас, — глухо сказал Габриэль, прикрывая Элиану собой. — Просто отойди и забудь, что видел нас.

— Мне приказали... задержать всех, кто попытается покинуть монастырь без разрешения, — монах сделал шаг вперёд, и его пальцы дрогнули на рукояти. — Ты ранен? На тебя напали? Я могу помочь, отведу к Гаюсу...

Габриэль отшатнулся, толкая Элиану за спину. — Тобиас, не надо... Пропусти нас. Ради всего святого.

— Ты... ты беглец, — пробормотал монах, роняя дрова. Его рука дрожащей ладонью легла на рукоять тренировочного меча — хоть и не боевого клинка, но всё же оружия. — И она... что с ней? Габриэль, что ты наделал?

— Я ничего не делал! — голос Габриэля сорвался на шёпот, полный отчаяния. — Они... Иларий... Он хочет её убить! Он хочет убить нас обоих!

Тобиас покачал головой. Он видел только нарушителя устава, беглеца, который тащит за собой искалеченную девушку. И его долг был ясен. Тобиас принял стойку — неуверенную, школьную, но решительную.

— Сдайся, Габриэль. Я не хочу тебя ранить.

Но бывший товарищ уже не слышал. Он видел только меч. Видел лицо Тобиаса — испуганное, но от этого не менее опасное. Мир сузился до острия клинка и до дрожи руки спутницы у него за спиной. Монах попытался обойти беглеца сбоку, взять его в захват. Но годы спаррингов сделали своё.

Тело Габриэля, порядком уставшее за последние сутки, на этот раз среагировало само. Он рванул навстречу, блокируя выпад локтем, и ударил головой в переносицу. Хрящ хрустнул, монах отшатнулся с хриплым стоном, и тогда его рука, наконец, выхватила меч.

Клинок просвистел в воздухе. Габриэль отпрыгнул назад, толкая Элиану к стене. У него не было оружия. Только разбитые руки и усталость.

— Не заставляй меня! — крикнул Тобиас, заливаясь кровью из носа, и замахнулся для рубящего удара.

Противник ушёл под удар, почувствовал, как лезвие задевает волосы, и вцепился в руку. Они сцепились в мерзкой, неистовой борьбе посреди двора. Звон металла о камень. Хриплое дыхание. Монах был сильнее и, по крайней мере, не измучен предыдущими схватками. Он прижал Габриэля к стене, лезвие меча опасно близко соскользнуло к его шее. В тот миг по голове противника прилетел камень, запущенный девочкой-волком, тогда её товарищ со всей силой рванул рукоять меча на себя и вниз, перекрутив меч направляя в стену. Раздался треск. Клинок монастырского меча, не самого лучшего качества, сломался выше гарды. Длинная часть с лязгом отлетела в сторону, оставив в руке защитника веры рукоять с жалким, обломком лезвия, длинной в две ладони, больше похожим на длинный нож. На секунду воцарилась тишина. Через мгновение монах начал резко и хаотично махать лезвием из стороны в сторону, так, что противни-

ку оставалось только уворачиваться. Разум Габриэля, затуманенный паникой, на секунду прояснился. Убить своего — значит навсегда стать тем чудовищем, в котором его уже обвиняли. Но и сдаться — смерти подобно. Рука рванулась к тяжелому мешку у собственного пояса. И он швырнул кожаный кошель прямо в лицо Тобиасу.

Удар пришёлся несильно, но мешок, слабо затянутый, развернулся в воздухе. Монеты рассыпались, превратившись в слепящий, хаотичный ливень. Тобиас ахнул от боли и неожиданности, инстинктивно зажмурился, взмахнул руками, пытаясь отгородиться от невидимой атаки. На мгновение он полностью потерял ориентацию.

Преступник рванул вперед, не на обломок в руке монаха, а на саму руку. Его левая ладонь обхватила запястье Тобиаса, а правая нанесла короткий, хлесткий удар по тыльной стороне локтя противника, прямо в сустав. Раздался сухой, болезненный щелчок. Тобиас вскрикнул от пронзительной боли, пальцы его разжались, и обломок меча со звоном упал на камни. Но Габриэль не остановился. Его нога описала низкую дугу и с силой врезалась в подколенную ямку Тобиаса. Нога монаха подкосилась, и он с тяжелым стоном рухнул на одно колено, всё ещё пытаясь схватиться за онемевшую, неестественно выгнутую руку. Третий удар был почти милосердием после двух предыдущих. Точный, сконцентрированный удар в основание челюсти Тобиаса, чуть ниже уха. Звук был глухим, костяным. Глаза Тобиаса закатились. Его

тело обмякло и безвольно сползло на камни, в лужицу разбросанного серебра. Он не был мертв. Дышал — прерывисто, хрипло. Но сознания в нем не осталось.

Габриэль стоял над ним, дрожа от адреналина. Он наклонился над телом, он расстегнул длинные ножны и перекинул через плечо. Короткое лезвие, теперь его главное оружие, убрал за пояс под хват правой руки.

Он больше не смотрел на Тобиаса. Его взгляд упал на серебряные монеты, блестящие в грязи. Он подобрал кошель с горстью монет, что в нём осталась, рассыпанные подбирать не стал.

— Что... что случилось? — испуганно шепнула девушка.
— Габриэль? Я слышала... Ты там?

— Идём. — Он снова взял Элиану за руку.

Они побежали. Северная башня, их последняя надежда. Это было самое старое строение в этой части стены, сирота монастырского комплекса. Её строили ещё тогда, когда Дисцилюс был просто крепостью на окраине, и за ненадобностью давно забросили. Охраняли её формально, больше из уважения к распорядку, чем из реальной необходимости.

Дверь представляла собой дубовые доски, почерневшие от времени и сырости. Железные петли ржавыми клыками впились в камень. Замок, массивная железная скоба, висел не запертым — брат Варфоломей, вечно клевавший носом на посту, годами забывал проверять эту формальность. Габриэль толкнул дверь плечом. В щель хлынул запах засто-

явшейся каменной пыли, сырой штукатурки и чего-то сладковато-кислого, похожего на грибную плесень. Внутри царила гробовая тишина. Её нарушало лишь их собственное прерывистое дыхание. Лунный свет, пробиваясь сквозь узкие бойницы, выхватывал из мрака винтовую лестницу из грубо отесанного камня. Ступени были стерты в середине до вогнутой гладкости поколениями караульных, но теперь по их краю лежал серый пух пыли, нетронутый годами. На стене осыпалась выцветшая фреска с едва угадывающимся ликом какого-то святого-воина. А у основания фрески лежало тело. Брат Варфоломей, жив, без сознания, но не просто спит. Оглушен сзади. Кто-то был здесь до них.

Узкая винтовая лестница вела наверх. Он внёс Элиану на руках, поднимаясь по скрипящим ступеням и отворил дверь башни. Каждый звук казался ему оглушительным, каждый шаг отдавался эхом в пустой башне. И вот они вышли на стену. Ночной ветер ударил им в лица, холодный и свободный. Внизу, в темноте, раскинулся спящий Дисцилюс, а дальше — чёрная бездна внешнего мира.

Именно сюда они стремились. До спуска — того самого неохраняемого пролома в зубцах, где когда-то обвалилась часть стены и наскоро набросали груды камней, образующую неустойчивый, но проходимый склон. Путь был открыт. Так показалось на первый взгляд.

Под низкой аркой, поглощавшей лунный свет, материализовалась тень. Из тьмы выплыло бледное, бесстрастное ли-

цо Лираэль. И загорелся тот самый, неестественный синий свет, вырезавший из мрака её фигуру и тонкий, смертоносный клинок. Её ледяные глаза скользнули с его окровавленного лица на дрожащую, слепую Элиану, на новые ножны и обломок меча на поясе. Ни тени удивления. Габриэль рванул к стойке с алебардами и копьями у входа на стену. Одним резким движением он схватил копьё, ударил древком о камень, отломив его пополам, и замер в низкой стойке. В левой руке — укороченное копьё. В правой — обломок меча. Сердце колотилось. Он стоял на краю свободы, преграждённой синим светом и холодным взглядом посланницы магов.

Лесная гостья

Тид, XII Век, 51 год, несколько часов назад

В тускло освещённой комнате на втором этаже таверны старого Бруно царила тишина, нарушаемая лишь приглушённым гулом голосов снизу, из общего зала. Лираэль сидела в грубо сколоченном кресле у небольшого окна, скрестив ноги. Её глаза были полужакрыты, дыхание — ровным и почти незаметным. В тонких, бледных пальцах она сжимала вороний черепок, который слабо пульсировал в такт биению сердца, излучая холодный голубоватый свет.

Через этот камень её разум был прочно связан с птицей, что прямо сейчас безмолвной, призрачной тенью кружила высоко над серыми стенами Дисцилюса. Магесса видела внутренний двор, тренировочные площадки и саму крепость, выжидая нужного момента.

Дверь тихонько скрипнула. Лираэль не шелохнулась, но её сознание мгновенно зафиксировало чужое присутствие. На пороге стояла Сильвира. В руках девочка сжимала стопку чистых полотенец — видимо, строгая кухарка Марта уже нашла применение «лишним рукам». Увидев странную женщину в тёмных одеждах, замершую с полужакрытыми глазами и светящимся камнем в руках, девочка-полуволок замерла. Её пушистые ушки настороженно встали торчком, а хвост нервно поджался.

— Можешь войти, — ровным, низким голосом произнесла Лираэль, не открывая глаз.

Сильвира вздрогнула, но сделала неуверенный шаг внутрь. — Я... госпожа Марта велела принести...

Лираэль наконец открыла глаза. Холодный, пронзительный взгляд остановился на госте. Камень в её руке медленно угас, превратившись в обычную серую гальку.

— Положи на кровать, — велела магесса. — Значит, мальчишка всё же оставил тебя здесь. Умно. Не захотел тащить диковину прямо в пасть храмовникам.

Сильвира аккуратно положила полотенца, но не спешила уходить. Она с любопытством и лёгким страхом смотрела на женщину. — Габриэль хороший. Сказал, что здесь безопасно, пока он решает свои дела. Он обещал вернуться за мной.

На тонких губах Лираэль мелькнула едва усмешка. Она плавно поднялась с кресла.

— Оставить маленькую девочку-полукровку в придорож-

ной таверне, полной пьяных наёмников, рабочих и торговцев. Откупиться честным словом трактирщика, который сегодня добр, а завтра, испугавшись инквизиции, швырнёт тебя в подвал или сдаст страже. — Лираэль сделала шаг к девочке. — Он думал, что делает добро? Что, спрятав тебя здесь, он тебя спас?

— Бруно меня не обижает... — тихо возразила Сильвира, опуская уши. — И Марта тоже.

— Пока не обижает, — поправила магесса, и в её голосе зазвучала холодная сталь. — Этот монастырь... Дисцилюс. Они учат только махать мечом и слепо верить в свой Свет. А думать наперёд — не учат. Габриэль просто снял с себя ответственность за тебя, чтобы развязать себе руки.

— Он хотел как лучше! — Сильвира сжала кулачки.

— Хотел, — согласилась Лираэль, её тон стал чуть мягче, но не утратил холодности. — Но дорога в бездну вымощена благими намерениями. Запомни это, волчонок.

Сильвира не знала, что такое «бездна», но слова врезались в память.

Внезапно Лираэль замерла. Её взгляд снова остекленел, обратившись куда-то внутрь себя, а серый камень в ладони вновь вспыхнул, на этот раз ослепительным синим светом. Птица передавала новую картинку. Габриэль в кабинете. Высокое окно. Он делает шаг... Птица спикировала ниже, ловя момент, когда охотник сорвался вниз.

— Жив, — выдохнула Лираэль одними губами. — Хоро-

шо.

Она отвернулась от девочки и подошла к кровати, быстрым движением подхватывая свой тёмный дорожный плащ. Камень в руке продолжал слабо пульсировать.

— Что случилось? — робко спросила Сильвира, глядя, как женщина накидывает капюшон.

— Твой спаситель наконец-то начал действовать, — коротко бросила Лираэль, застегивая фибулу на груди. — Сиди тихо. Не высовывайся из кухни, если хочешь дожить до его возвращения.

— Вы идёте к нему? — с надеждой и тревогой спросила девочка.

— Пора, — коротко отозвалась Лираэль. — Он идёт к северной стене. Я должна быть там раньше, чем церковные псы загонят его в угол.

— Тогда я с вами.

Не сказав больше ни слова, магесса выскользнула из комнаты в окно и мягко опустилась в седло своей лошади, и смотрела вверх, откуда прыгнула. Девочка сомневалась.

— Идёшь или нет? — Лираэль приподняла руки вверх, будто готовясь ловить прыгающего ребенка.

Сильвира прыгнула. В воздухе её подхватила лёгкая, невидимая для её глаз сила, и опустила в седло, перед всадницей.

— Держись крепче.

Они добрались к подножию старой башни. Спешившись, Лираэль жестом велела Сильвире молчать, взяла её за руку и что-то прошептала. Затем в несколько прыжков они поднялись по разломанной стене наверх. Вход в башню преграждала тяжёлая дубовая дверь, запертая снаружи. Лираэль коснулась замка — тихий щелчок, синяя искра, и засов отскочил.

— Как вы... — начала Сильвира.

— Магия, — с небольшой улыбкой ответила Лираэль. — Не задавай глупых вопросов.

Они вошли внутрь. В башне пахло пылью и плесенью. Узкая винтовая лестница вела вниз.

— Охранник, — прошептала Сильвира.

Внизу, у подножия лестницы, тускло мерцал масляный светильник. В его дрожащем свете выступила из полумрака фигура монаха. Мужчина стоял, прислонившись спиной к стене с пыльной фреской. Он дремал, но скрип ступеней разбудил его. Монах вскинул голову, увидел две тени, спускающиеся к нему, и его глаза расширились от ужаса. Губы его зашевелились, готовясь выкрикнуть тревогу или призыв о помощи, а рука метнулась к поясу, к небольшому кинжалу.

— Не надо, — тихо сказала Лираэль.

Она шагнула к нему быстрее, чем он успел коснуться рукояти. Её пальцы легли на его лоб, монах вздохнул, его веки отяжелели, и он медленно сполз на каменный пол, погружаясь в глубокий, беспмятный сон.

— Он умер?

— Нет. Проспит до утра. А когда проснётся, ничего не вспомнит. — Лираэль выпрямилась. — Идём. Наверх.

Они поднялись на стену. Лираэль встала у края, глядя вниз, на внутренний двор. Сильвира спряталась за зубцом, выглядывая оттуда.

— Жди, — сказала Лираэль. — Скоро он придёт.

Она замолчала, и только высоко в небе над башней кружила голубоватая птица. Через мгновение она спикировала в ладонь магессы и превратилась в небольшой хрустальный вороний черепок.

Прямо к краю

Синий свет от клинка Лираэль не гас, но и не нарастал.

— Отставить импровизированное вооружение, — её голос прозвучал ровно, без угрозы. — Деревянная палка не остановит то, что может остановить этот клинок. И это тоже, — её ледяной взгляд скользнул по обломку меча в его правой руке. — Ты и так весь в крови.

— Ты... с Иларием, — хрипло бросил он, сохраняя стойку. — Ты читала тот отчёт.

— Я знаю, что он написал, — поправила его Лираэль. — «Неконтролируемая вспышка тёмной эманации», пробудившая аномалии. Клишировано, но эффективно для отчётов. Это бумажная истина, которая закрывает дело и сохраняет лицо всем сторонам.

Она сделала лёгкий, почти невесомый шаг вперёд. Габриэль напрягся, но она лишь опустила меч, который тут же по-

терял свечение и ширину лезвия, став обычным, изящным клинком.

— Я провела замеры на месте, Габриэль. До того, как вернуться с вами. Спектр эманации, закономерности резонанса, остаточные следы на разломанных контейнерах. Данные не совпадают с версией Илария. Твари в повозке уже были на грани пробуждения. Твоё присутствие... создало резонансный скачок. Сделало неизбежное мгновенным и взрывным. Но не создало его из ничего. Есть такой термин: «катализатор». И ты стал катализатором.

Она снова посмотрела на него, и в её взгляде, казалось, загорелся слабый, но живой интерес учёного, наткнувшегося на редкий, противоречащий теориям феномен.

— Иларий видит в тебе болезнь. Он фанатик, одержимый стерилизацией мира от скверны, которую сам же и определяет. Он полезен Башне как поставщик... материала, и как громоотвод для народного суеверия. Я верю в измеримые величины. В потенциал. В применимость. Забудь пророчества и прочую метафизическую чушь, которую тебе вбивали в голову. Миром правят не боги и не судьбы, а силы, ресурсы и понимание принципов. Тьма — это не абстракция. Это аномалия, нарушение законов реальности, порождённое тем самым Падением. Её можно изучать. Её можно картографировать. И, теоретически, её можно нейтрализовать в источнике. — В её голосе впервые прозвучала твёрдая, почти жадная убеждённость. — Но для этого нужен сенсор. Проводник.

Тот, кто ощущает не саму Тьму, а её искажение ткани мира. Обычные маги видят лишь всплески. Обычные охотники — лишь плоды. Те, кого вы называете осколками... вы чувствуете корень. За последние двадцать лет через Дисцилюс прошли три потенциальных носителя подобного резонанса. Первого Иларий утопил в колодце, записав как «несчастный случай во время чистки». Второй сошёл с ума в шесть лет и был «усыплён». Третий... его резонанс был слаб, хаотичен. Он не выдержал даже базовых тестов. Ты — четвёртый. И первый за долгое время, кто не только жив, но и стабилен. Ты не сгорел от собственного дара. Ты выжил в контакте с активной аномалией.

— Что ты хочешь? — Габриэль выдохнул и опустил оружие.

— Я хочу выполнить миссию Башни, — ответила Лираэль с ледяной прямоотой. — Мы финансируем Дисцилюс, терпим фанатизм Илария и его инквизиторские методы ровно для одной цели: получить стабильный, управляемый образец. Инструмент для глубинного сканирования аномальных зон. Ключ к двери, которую не могут найти обычные маги. Ты хочешь спасти её? — кивок в сторону Элианы был точен, как удар стилуса по карте. — Медицина монастыря бессильна. Но в Башне есть архивы, артефакты, знания, утерянные для мира. Я гарантирую, что маги Башни сделают всё возможное для её лечения. А девочка, ты подумал о ней? Что с такими как она сделают убийцы в этих стенах? Зверолюди

не всем по нраву. В свою очередь ты поможешь нам дойти до эпицентра тьмы. А мы... дадим тебе средства, чтобы дойти.

— А если я откажусь?

Лираэль взглянула куда-то за его спину, в сторону далёких звуков, начинавших доноситься из глубин монастыря — приглушённые окрики, лязг оружия.

— Тогда ты совершишь статистическую ошибку. Илари́й уже поднял тревогу. Его люди идут сюда, чтобы завершить «очистку». Они не будут разговаривать. А я отступлю. Башня получит ещё один отчёт: «Воспитанник, проявивший нестабильность, ликвидирован при попытке к бегству инквизицией Илария в рамках его компетенции». Мы потеряем уникальный актив. Ты — жизнь. А её судьба, — Лираэль перевела взгляд на девушку, — будет решена тем, кто считает её «побочным ущербом» и свидетелем. Ты видел, как он решает вопросы со свидетелями.

Это был расчёт. Холодная оценка вероятностей, где они с Элианой были переменными в уравнении. Ветер гулял по стене, шелестя их одеждами. Звуки погони становились отчётливее.

— У тебя есть время до того, как они перекроют спуск, — констатировала Лираэль, отступая на шаг к груде камней у пролома. — Твой выбор: остаться здесь и стать ещё одной строчкой в отчёте Илария. Или шагнуть туда и стать переменной в уравнении, которое, возможно, изменит всё. Выбирай.

Габриэль молчал. Он смотрел на Лираэль, потом на Элиану. А затем из-за зубца стены бесшумно выскользнула маленькая фигурка. Она подбежала к Габриэлю и вцепилась в его окровавленную руку, не говоря ни слова.

— Ты... — Габриэль опешил. — Как ты здесь?

— Она привела, — Сильвира кивнула на Лираэль. — И сказала, что ты идёшь сюда.

Габриэль поднял взгляд на посланницу магов. Та стояла неподвижно. Впрочем, решать было уже нечего.

Глава III

Дорога в столицу

Окрестности Дисцилюса, XII Век, 51 год.

Ноги гудели, плечи ломило, но Элиана, несмотря на слепоту, держалась лучше, чем ожидал Габриэль. Она шагала, опираясь на его руку, и даже умудрялась сохранять свой обычный насмешливый тон.

— Так и будешь сопеть? — Элиана толкнула в бок Габриэля, который шёл рядом и придерживал её. — Мы идём уже два дня, а ты так и не рассказал мне, где был. Рассказывай давай.

— О чём? — не понял он.

— О твоих лесных похождениях... Я ничего не видела, но слышала достаточно, пока мы шли. Сильвира упоминала что-то про волколака. Лираэль бормотала про «аномальный резонанс».

Габриэль вздохнул и начал говорить. Не хотелось вспоми-

нать, но Элиана была права — она заслуживала знать.

— Был старик-травник. Убит. — Он помолчал. — Волколак. Его звали Гельдер. Был охотником как мы, только с севера. Сначала я подумал, что буду с ним сражаться, но оказалось, что он тоже жертва.

— Жертва? — Элиана нахмурилась. — Он убил человека.

— Он убил, потому что его разум начал мутнеть. А до того — двадцать лет стерёг озеро за обещание вылечить жену. Ведьма обманула его. Она вылечила жену, но стёрла ей память. Гельдер остался псом, а жена ушла к другому.

— Жестоко, — тихо сказала Элиана.

— Ещё как. — Габриэль поправил повязку на руке. — Мы с ним вместе бились против ведьмы. Если бы пришлось ещё и с ним драться, может, мы бы тут сейчас не стояли. А ведьма предлагала мне стать её наследником взамен на твоё исцеление.

— И что ты? — в голосе Элианы прозвучал вызов.

— Отказался, конечно.

— Дурак. — Она легонько толкнула его плечом. — Мог бы согласиться, а потом обмануть.

— Не умею.

— Это ты зря. Обманывать полезно. Вот я, например, — она усмехнулась, — притворялась, что мне не больно после той вспышки. И ничего, жива. Ладно, давай дальше. Как ты её убил?

Габриэль начал рассказывать. О том, как ведьма приняла

облик прекрасной девы, как напал Гельдер, как они вдвоём кружили вокруг неё, о том, что он тонул в озере, вынырнул и сорвал цветок. Девушка слушала, не перебивая. Когда он замолчал, она покачала головой.

— Ты — идиот. Полез в озеро без сил. Нырнул в неизвестную чёрную воду. А если бы утонул?

— Я так же ему сказала. — вставила Сильвира, не оборачиваясь.

— Ну не утонул же. — парировал, окруженный с двух сторон охотник.

— Повезло.

— Может быть. — Габриэль пожал плечами.

— Ты просто везучий дурак. — Элиана фыркнула.

— А ты... Вредная слепая ворчунья. — Только закончив фразу, Габриэль осознал, что сказал лишнее и был готов кусать себя в зад.

— Обижаешь. — Она улыбнулась, и в её голосе впервые за долгое время мелькнуло что-то тёплое, почти прежнее. — Ладно. Цветок у тебя. Что дальше?

— Дальше? — Габриэль посмотрел вперёд, на пыльную дорогу. — Дальше — Башня магов. И надежда, что они смогут тебя вылечить.

— Между прочим, я до сих пор не знаю, как он выглядит.

— Кто?

— Цветок, Габ...

— Он... — Габриэль нащупал за пазухой свёрток. — се-

ребристый. Светится. Как луна, только маленький.

— Звучит красиво, — Элиана вздохнула. — Жаль, что я не могу его увидеть.

— Увидишь. — Габриэль сжал её руку. — Я обещаю.

— А если в башне не смогут помочь?

— Смогут, — твёрдо сказал он. — Не глупее же они старика Гаюса.

Элиана ничего не ответила. Только крепче сжала его руку. Девушка постепенно уставала, несмотря на всю свою выносливость, всё чаще спотыкалась и тяжело дышала. Габриэль поддерживал её под руку, Сильвира шагала впереди, приносясь к ветру, Лираэль замыкала шествие.

— Нужно найти место для привала, — сказал Габриэль, вытирая пот со лба.

— Нужно идти дальше, — поправила Лираэль. — Иларий не будет сидеть сложа руки. Его погоня может быть ближе, чем мы думаем.

— А если мы свалимся от усталости? Тогда нас догонят и без погони.

Лираэль ничего не ответила, но и не возразила. Она тоже выглядела уставшей, а под глазами залегли тени, а движения стали чуть медленнее. Впереди, на перекрестке дорог, показалась крестьянская повозка, запряжённая парой лошадей, с брезентовым верхом, натянутым на деревянные дуги. Возница, мужчина в потрёпанной куртке и широкополой шляпе, курил короткую трубку и, казалось, никуда не торопился.

Завидев путников, он приподнял шляпу и придержал лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.